

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 242

В.А. ТИШКОВ,

**ЯРОСТЬ БЛАГОРОДНАЯ...
ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА И
СОВЕТСКИЙ НАРОД
(АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ
ПОДХОД)**

Москва

2015

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И
НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ**

№ 242

В.А. Тишков

**ЯРОСТЬ БЛАГОРОДНАЯ...
ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА И СОВЕТСКИЙ НАРОД
(АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД)**

*Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 15-31-11109
«Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности в
развитии российского общества»*

Москва
ИЭА РАН
2015

ББК 63.5(2)
УДК 94(470+571):39

Серия:
Исследования по прикладной и неотложной этнологии
(издается с 1990 г.)

Редколлегия:
академик РАН В.А. Тишков (отв. ред.),
к.и.н. Н.А. Лопуленко,
д.и.н. М.Ю. Мартынова.

Материалы серии отражают точку зрения авторов
и могут не совпадать с позицией редакционной группы.
При использовании ссылка на материалы обязательна.

Т-47 Тишков В.А.

Ярость благородная... Великая победа и советский народ (антропологический подход) / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М., ИЭА РАН, 2015. – Вып. 242. – 44 с.

ISBN 978-5-4211-0131-4

Антропологический анализ экзистенциальных проблем победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., а именно – каковы были основные факторы мобилизации и консолидации граждан разных национальностей и разной судьбы в условиях сталинского режима и трудной жизни предвоенных лет? Автор выявил эти факторы, среди которых: ощущение реальной угрозы физического уничтожения большого числа людей от нацизма и угроза разрушения исторической государственности, включая внутренние этнотерриториальные автономии в форме республик; вера в справедливость социального строя и в его преимущества как итог идеологической индоктринации и повседневного опыта советского строительства; жесткие условия мобилизации и дисциплинирования людей в тылу, на фронте, в эвакуации и в партизанских отрядах. Важнейшими факторами стали вера в «правое дело» и в победу над врагом, исходившие от руководства страны, прежде всего от Сталина, обращение к теме славного прошлого русской истории, защиты Отечества, а также сформировавшееся «сверху» и «снизу» чувство ненависти к врагу. Проявления коллаборационизма и перехода на сторону врага, включая сопротивление Красной армии, имели ограниченный характер, их этнические параметры были выражены слабо, а больше были связаны с социальным (репрессированные социальные слои) и географическими факторами (население недавно присоединенных территорий). Великая Победа стала ключевым фактором общенациональной идентичности, одной из основ отечественного патриотизма.

© ИЭА РАН – 2015 г.
© В.А. Тишков – 2015 г.

В.А. Тишков

***Ярость благородная...
Великая победа и советский народ
(антропологический подход)***

Resume

THE GREAT VICTORY AND SOVIET PATRIOTISM: ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS

This is an anthropological analysis of existential aspects for victory of Soviet people in the Great Patriotic war of 1941–1945. Precisely, what were main factors for mobilization and consolidation of citizens from many nationalities and of different life trajectories under the Stalin's regime and who muddle through hard living conditions? Among these factors are: a feeling of real danger for physical existence of many people and of abandoning historic statehood, including soviet ethno-territorial autonomies in a form of republics; belief in justice of the existing social order and in its superiorities as a result of ideological indoctrination and of everyday experience of sovietization; coercive character of mobilization and of disciplining of people on a front-line, in evacuation, etc. Very important factors were: belief in the a "course of justice" and in unavoidable victory over the enemy which were inspired by Soviet leadership, primarily, from Stalin; appeal to the glory past of Russian history, defense of Motherland, as well as nurturing from above and on a grass root level a feeling of hate towards German fascists. Manifestations of collaborationism and cases of resistance to the Red Army had a limited character and its ethnic parameters were expressed in a weak form. It had more links with repressed social strata and recently occupied territories. The Great Victory became a key factor of national identity, one of the pillars for Russia's patriotism.

Ключевые слова

Великая Отечественная война, советский патриотизм, национальный вопрос, фронт и тыл, потери, эвакуация, депортации, коллаборационизм, пропаганда, чувство ненависти.

Введение

Начну цитатой из текста «Истоки народного подвига», который мой старший коллега и друг, ныне покойный академик Ю.А. Поляков подготовил для нового многотомного труда по истории Великой Отечественной войны. Ю.А. Поляков спрашивает «Что защищали советские люди?» и дает такой ответ: «Победу СССР в Великой Отечественной войне обусловила группа взаимосвязанных факторов... Бесспорно, существенную роль сыграли пространства страны, ее огромные материальные и людские ресурсы, помощь союзников, просчеты про-

тивника. Но главная заслуга принадлежит советскому народу. Именно он сплотился перед общей бедой, забыв или отодвинув в тень свои обиды и невзгоды. На борьбу с германским нашествием поднялись все: стар и млад, мужчины и женщины, все нации и народности СССР». Чем же был вызван патриотизм советских людей? Как считает историк и свидетель советской эпохи, вопрос этот сегодня чрезвычайно запутан. «Прежние, ставшие стереотипами постулаты о том, что народы СССР защищали ‘советскую социалистическую Родину’, ‘идеалы социализма’, в результате распада республик утратили во многом прежнюю убедительность, а новых, достаточно вразумительных ответов пока не дано»¹.

За последнее время этот вопрос стал еще более острым, несмотря на завершение названного выше фундаментального труда² и появление многих документальных публикаций и монографических исследований о войне. Этнологи и антропологи эту тему обходили своим вниманием, за исключением, возможно, таких сюжетов, как плен, депортации, военный фольклор³, «окопные» темы. Некоторые социально-антропологические вопросы войны: мобилизации, участие и неучастие, патриотизм и жертвенность, цена жизни и духовные ценности, страдания и сострадание, эмоции и вера – все эти вопросы остаются главным образом доменом художественных осмыслений в литературе и кино. Повседневность войны только недавно стала предметом междисциплинарного подхода⁴. Психологи и социологи не числят эту тему в своем основном репертуаре. А вот социально-культурным антропологам есть о чем поразмыслить, хотя бы по материалам архивных свидетельств, коли всем живым участникам уже за 90 и им сложно выступать в роли информантов.

О патриотизме в условиях экзистенциального вызова

Едва ли кто будет отрицать, что одним из очевидных проявлений национального самосознания (идентичности) российского (советского) народа был гражданский патриотизм в годы Великой Отечественной войны⁵. Под гражданским патриотизмом мы понимаем чувство сопричастности со страной гражданства, которая обычно и называется Родиной. Причем, эта сопричастность, в отличие от более широкой категории национального самосознания (или идентичности), имеет однозначно позитивные чувства и привязанности, называемые часто «любовью к Родине». Национальное самосознание может охватывать более широкий спектр чувств сопричастности, включая критическое отношение и даже «любовь через ненависть» (В.Г. Белинский: «ненавижу Россию, потому что

я ее люблю»). Патриотизм же имеет исключительно позитивный спектр сопричастности, хотя не исключает как критического отношения, так и безоговорочного оправдания типа «Родина всегда права». Последнее особенно свойственно т.н. ультрапатриотам или ура-патриотизму.

Патриотизм – это сложный комплекс чувств и эмоций. Он – результат как примордиальных ощущений, связанных с местом рождения и ранней социализацией личности, так и с целевой индоктринацией через воспитательный процесс, пропаганду и разнообразные социально-политические воздействия, включая воздействие во взрослом возрасте. Но в любом случае патриотизм – это важный компонент национальной идентичности, и сам процесс нациестроительства (в его гражданско-политическом смысле) есть утверждение общего представления о собственном народе как нации и связи с ней на личностном и коллективном уровнях⁶.

В случае войны речь идет не просто о патриотизме, а о массовом героизме как коллективном жертвенном поведении во имя потребностей фронта и во имя военных побед. Здесь мы исходим из постулата, что чувство сохранения жизни является первичным по отношению к другим экзистенциальным ситуациям, а сама жертвенность вызвана особым, критическим сочетанием факторов, включая психо-эмоциональное состояние личности. Война является именно таким сочетанием факторов, при которых явление коллективной и индивидуальной жертвенности становится почти нормой. Однако не каждая война и не каждая коллективность (в данном случае речь идет о народе) вызывают к жертвенности и вызывают ее проявления.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. была чрезвычайной ситуацией внешнего вторжения агрессора на территорию страны, имевшего целью разрушение государства, низведение славянского и другого населения на низшие позиции, физическое уничтожение представителей некоторых национальностей (евреев, цыган). И хотя в военное время в СССР еще более ужесточился тоталитарный режим партии большевиков во главе с И.В. Сталиным, хотя существовала безграничная власть одной личности и всевластие безжалостных спецслужб, все же *есть основания говорить о свободном проявлении лояльности и любви к Родине, чувстве советской общности среди граждан СССР.*

Мы берем период войны как время, выпадающее из нормы существования той или иной нации, когда сама нация подвергается особому испытанию. Известно, что оккупация гитлеровской Германией некоторых европейских стран, например, Австрии и Норвегии, фактически привела к разрушению самих институтов государственности и к кризису национальной идентичности граждан этих образований. Послевоенное воспевание австрийского патриотизма через

голливудский фильм «Звуки музыки» был в большей степени послевоенным искусством, чем отражением реального австрийского патриотизма в период войны. Норвегия также могла похвалиться только стойкостью представителей королевской короны, сохранившей власть в эмиграции, но особых проявлений национальной солидарности неизвестно, да и сама норвежская нация консолидировалась только в послевоенное время.

Эти примеры подтверждают, что процесс складывания нации и ее консолидации имеет к этническому составу населения страны далеко не самое прямое отношение. Население довоенной Норвегии было этнически гомогенным (если не считать саамское меньшинство), но общее чувство норвежскости было в нем развито слабо. И другие, уже казалось бы сложившиеся европейские нации выбрали (или им уготовили условия войны) разные варианты коллективного поведения перед внешней угрозой. Некоторые, вполне консолидированные и даже примерные гражданские нации (например, французы), предпочли конформизм и официальное сотрудничество с врагом, а власть и население совсем не пребывали в согласии. Другие, менее гомогенные нации (например, британцы) и даже не до конца сложившиеся нации (например, югославы), наоборот, выбрали жесткое сопротивление.

Советский «многонациональный народ» в Отечественной войне явление во многих отношениях уникальное и, возможно, не до конца еще понятое и объясненное в силу его сложного и радикально меняющегося состава, особой эмоциональной окрашенности темы и ее всегда актуальной политичности. В Советском Союзе патриотизм, как и идея защиты Отечества, имели исторические корни. Они были наследованы от дореволюционного времени, и в своих разных временных и идеологических ипостасях нашли отражение в научном, публицистическом и художественном творчестве⁷. Но коммунистическая идеология наполнила патриотизм новыми концептами. Большевики прокляли и отринули прошлое страны как «тюрьмы народов» и как «мир насилия». Они отвергли и разрушили многие культурные и религиозные основы российскости, уничтожив само слово «Россия» в названии страны. Но им удалось в ходе радикальной революции и построения новой советской страны представить ее как «авангард человечества», как «надежду мира». Что касается этнонационального фактора, то к новым идеологическим концептам добавились формулы «союза народов», а уже в годы войны рождается и утверждается концепт «советского народа». И все же *отправным моментом при формировании гражданского самосознания служил исторический опыт контактов в целом толерантных по отношению друг к другу представителей российских национальностей, а также последователей разных мировых религий, которым импонировали коммунистическая идея ра-*

венства граждан и народов, установление справедливого порядка, а также усиления большевистской власти сохранить страну – историческую Россию.

После образования СССР появляются новые компоненты советского официоза: это «интернационализм», понимаемый как солидарность трудящихся в стране и во всем мире, а также «дружба народов» как взаимоуважение и сотрудничество представителей разных национальностей. Эти идеологические скрепы были задействованы быстро и эффективно⁸. Уже в довоенный период существенными для формирования солидарности и патриотизма жителей страны становились повседневные социальные и культурные практики. Совместные труд и творчество, обмен хозяйственным и культурным опытом, семейно-родственные связи и привязанности, увлечения и досуг, художественная литература и изобразительное искусство, этика коллективизма – все это создавало основу для чувства принадлежности к «советской Родине»⁹.

Однако в какой мере все это было уже укоренено в обществе, чтобы проявиться в годы войны? Ведь слишком мало времени прошло с момента ухода с исторической сцены старой России, и *слишком много страданий и травм уже успел нанести гражданам, целым этническим и социальным группам советский режим, чтобы можно было рассчитывать на отсутствие в СССР антисоветских и антибольшевистских настроений, на якобы полное искоренение идеологии национализма и межэтнических проблем.* Отторжение советской власти и идеологии большевизма частью населения имели разную, в т.ч. этническую и религиозную окраску. Наиболее критические и сепаратистские настроения были среди жителей присоединенных накануне войны территорий, а также среди мусульманской части населения и тех социальных и этнических групп, которые подверглись большевистско-сталинским репрессиям в 1920–1930-е гг., а также в ходе самой войны.

Духовная жизнь в предвоенные годы представляла собой сложное и противоречивое явление. «С одной стороны, за годы советской власти компартии удалось воспитать у советских людей политическую сознательность и преданность идеалам социализма. Советский народ был готов самоотверженно и стойко защищать свое социалистическое Отечество. С другой стороны, говоря о духовной сплоченности советских людей в предвоенные годы, следует помнить, что на морально-политической атмосфере негативно сказывались ускоренная индустриализация, принудительная коллективизация, а также духовное принуждение людей. Произвол и беззаконие, всевластие Сталина породили обстановку подозрительности и недоверия, которая мрачной тенью ложилась на общественное сознание»¹⁰. Этот вывод созвучен размышлениям Ю.А. Полякова, который, отметив суть гитлеровского плана физического уничтожения самой страны и

части ее населения, писал: «Советские люди поняли это уже в самом начале войны. И тогда стало ясно, что большая, единая Родина – не только сумма ‘малых территорий’. Осознание этого объединило в общей ненависти к врагу и общем порыве людей различного социального происхождения и положения, все нации и народности Советского Союза – русских и казахов, украинцев и грузин, белорусов и узбеков. Одна из главных причин всенародного подъема, готовности к борьбе до победного конца состояла в том, что граждане СССР в своем большинстве были приверженцами социальной справедливости... В Советском Союзе доминанта общественного настроения, общественного мнения, общественного сознания военных лет представляется несомненной – война против оккупантов справедлива, поэтому необходимо приложить силы для достижения победы». Большинство народа осознавало необходимость сосредоточения сил для разгрома врага, и об этом свидетельствовало само поведение людей, в котором и проявлялось то самое массовое сознание. «Безусловно, в нем преобладал государственный патриотизм, ибо система ценностей советского строя, как уникального тогда в мире жизнеустройства, разделялась большинством населения. Однако неправомерно замалчивать тот факт, как это зачастую делалось ранее, что имело место и иное отношение к войне, которое выражалось по-разному. Например, на оккупированной территории антисоветские и пронемецкие настроения нередко выливались в пособничество и сотрудничество с врагом. На всей основной территории страны они не могли, естественно, проявляться открыто, ибо их носители карались бы по законам военного времени»¹¹.

О том, что тяготы обычной жизни и жестокости властей вызывали среди части населения, не говоря уже о жителях присоединенных территорий, далеко не всегда патриотические чувства, писали еще в советское время некоторые авторы, главным образом не историки, а писатели. Как писал К. Симонов, «тогда одновременно существовало словно не одно, а два соседних и разных времени. Одно явное и понятное, с полетами через полюс, с революционной помощью Испании, с ненавистью к фашизму, с пятилетками, с работой до седьмого пота, с радостной верой, что выше и выше поднимаем страну, с любовью и дружбой, с нормальными людскими отношениями; и тут же рядом – только ступи шаг в сторону – другое время, страшное и с каждым днем все более необъяснимое»¹². Сегодня нам известны многочисленные открытые проявления недовольства и сопротивления власти, особенно на этнической периферии (в Поволжье, на Северном Кавказе, в Средней Азии), а после 1940 г. – на территориях Прибалтики, Украины и Молдавии)¹³.

И все же, население страны в целом принимало основы существовавшего строя. Провозглашаемые идеи, прививаемые населению ценности, действующие

правовые нормы, а также формулируемые руководством цели развития страны и задача защиты Отечества были понятны советским людям и одобрялись ими. Можно говорить, что *в основе поддержки народом советского строя были социальные и идейно-ценностные основания, а не просто страх и принуждение*. Этот вывод поддерживают и некоторые западные историки, несмотря на доминирование среди этой части специалистов по советской истории т.н. *концепции сопротивления*, т.е. всеобщего неприятия населением коммунистического режима. Как считает американский историк Р. Серстон, к началу войны подавляющее большинство советских людей поддерживало режим: «Террор и страх – ядро любого исследования, которое основано на использовании концепции тоталитаризма. Возможно, что значительная часть как немцев, так и русских испытывала страх перед государством. Но он не был определяющим. Действительно, было множество ограничений свободы слова, многие возможности были закрыты для народа, степень принуждения и контроля со стороны правительства и правящей партии была значительной. Но были и такие, кто не боялся государства, было огромное количество тех, кто поддерживал режим в Германии и в СССР»¹⁴. Этот историк предвоенного времени пришел к выводу, что без лояльного отношения советских людей к власти «трудно объяснить готовность народа добровольно вступать в армию в 1941 г., уровень советской военной экономики, достигнутый в экстремальных условиях, саму победу в целом»¹⁵.

Надо признать, что тезис т.н. «школы сопротивления» о том, что советский народ в своем большинстве не разделял ценностей коммунизма, в какой-то степени опирался на документальные публикации 1990-х гг. из советских архивов, ибо их составители и комментаторы сосредотачивались на проявлениях недовольства и протеста среди населения, особенно среди интеллигенции. Как отмечается в одном из сборников статей в серии «История сталинизма», «отчасти данная тенденция была связана с естественным стремлением российских и сотрудничавших с ними зарубежных авторов скорректировать советскую традицию об отношениях власти и народа, несколько преувеличивая ту часть, которая отражала 'героические проявления сопротивления режиму', а также подчеркивала чуждость сталинизма народу, насильственный характер советского режима»¹⁶.

С точки зрения современной социальной антропологии, которая обращает особое внимание на роль процесса индоктринации и настроений-эмоций среди людей и коллективов, отмечу одну примечательную черту советского общества 1930–1940-х гг., а именно: потребовалось всего два десятилетия, чтобы в сознании советских людей через систему образования, общественные организации, средства информации (печать и радио) утвердились главные постулаты марксистско-ленинской идеологии, что социализм должен победить во всем мире, что

СССР – это оплот трудящихся всех стран в их борьбе против эксплуататоров, что миссия страны – защищать угнетенные народы и нести в мир идею равенства и братства людей труда. *Этот момент быстрой индоктринации населения огромной страны представляется, конечно, не единичным явлением в истории, но поучительным, особенно для современного мира принципиально новых методов воздействия на массовое сознание и представления людей.*

Советизация и война в утверждении гражданской идентичности

Война стала сильным индикатором испытания гражданской идентичности и политической ориентации советских людей разных национальностей. В целом доминирует мнение, что представители всех советских народов встали на защиту общей Родины и внесли вклад в победу над нацизмом. Тема народа и патриотизма в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. была многократно освещена в исторических исследованиях¹⁷. Но главный тезис о защите своего Отечества от чужеземного вторжения все же не исчерпывает содержание патриотизма советских людей. В СССР проявлялось и культивировалось «чувство семьи единой», т.е. представители нерусских народов защищали и созданные в составе СССР этнотерриториальные автономии, которые трактовались как «национальная государственность», а также предоставленные властью возможности для сохранения и развития «национальных по форме и социалистических по содержанию» культур. Если, конечно, не считать такие территории, как прибалтийские республики, суверенитет которых был ликвидирован в 1940 г., а также представителей советских национальностей, автономные образования которых были уничтожены в момент депортации. Так что *вопрос о лояльности этнической периферии в условиях войны остается обсуждаемым, и именно этот вопрос сегодня подвергается радикальной ревизии* зарубежными историками и политиками вплоть до отрицания участия целых народов (например, украинцев) в Великой Отечественной войне против фашистской Германии. Однако обратимся к некоторым фактам и аргументам.

В процессе «форматирования советскости»¹⁸ этнокультурный компонент составлял важную часть политики государства, проводившего курс на формирование общесоветского единства на основе большевистской идеологии, социально-экономического, политического и культурного развития «ранее угнетаемых наций». Переход к советской общегражданской идентичности сопровождался изменениями коллективного самосознания (через объединение племенных групп в «нации и народности», смену этнических названий и т.д.), менялась социаль-

ная структура народов, их быт и ценностные ориентации. Достаточно сказать, что при обнародовании итогов Всесоюзной переписи населения 1939 г. вся этническая номенклатура была сокращена более чем вдвое (вместе 160 групп было показано всего 62 «советские нации и народности»). Такие недавно пережитые явления, как репрессии, насильственная коллективизация и культурная (по сути, антирелигиозная) революция, не могли не вызвать среди части представителей российских национальностей, включая и русских людей, неприятие власти, советского государственного устройства. Это, кстати, учитывал противник, надеясь на отсутствие консолидированного согражданства народов СССР¹⁹. Тем не менее, государственная этнополитика, массированная и разнообразная пропаганда, модернизация жизни (особенно в городах) привели к впечатляющим результатам по части утверждения гражданственности, культурной гомогенности, советской ценностно-поведенческой нормы.

В предвоенные годы была упорядочена административно-государственная структура за счет ликвидации нежизнеспособных из-за своей этнической избирательности «национальных» округов и сельских советов, а во главе региональных и местных властей стали ставить прошедшие специальные партийные курсы кадры, в т.ч. из «коренных националов». Вместо политики «коренизации» упор был сделан на языковую русификацию, когда в 1937 г. Сталин объявил о безусловном приоритете русского языка в программах учебных заведений национальных республик. И тогда же был осуществлен перевод графики языков национальных меньшинств с латиницы на кириллицу. Началось масштабное распространение периодических изданий и публикация книг на русском языке для нерусских народов. В армии началась ликвидация воинских формирований по этническому принципу (т.н. «национальные части и формирования РККА»), а для призывников-националов были организованы курсы и школы по изучению русского языка. Выступая на пленуме ЦК ВКП(б) 12 октября 1937 г., И.В. Сталин сказал: «Но есть у нас один язык, на котором могут изъясняться все граждане СССР более или менее – это русский язык. Поэтому мы пришли к тому, чтобы он был обязательным. Хорошо было бы, если бы все призываемые в армию граждане мало-мальски изъяснялись бы на русском языке, чтобы, передвигая какую-нибудь дивизию, скажем, Узбекскую в Самару, чтобы она могла с населением объясняться. Вот отсюда и родилась абсолютная необходимость при всеобщей воинской повинности, при условии призыва всех граждан, абсолютная необходимость обладать красноармейцам одним каким-нибудь языком, на котором они могут изъясняться во всех краях и областях Союза. Это язык – русский»²⁰.

Перед войной во всех республиках, краях и областях были открыты партийные школы и учреждения политического просвещения. В 1938 г. был опуб-

ликован «Краткий курс истории ВКП(б)», основным автором и редактором которого был сам Сталин. Миллионы людей в стране стали учить историю и философию по этой книге. Одновременно стали устраиваться официальные мероприятия по поводу круглых дат создания республик и юбилеев «культурных героев», из которых постепенно выстраивался советский пантеон «великих людей». Это были юбилеи карело-финского эпоса «Калевалы», поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», 100-летие Косты Хетагурова, 125-летие Тараса Шевченко, 1000-летие армянского эпоса «Давид Сасунский» и другие. Тогда же началась практика проведения декад искусства национальных республик.

Одновременно в арсенале советизации присутствовали репрессии против «контрреволюционного, буржуазного национализма», под видом борьбы с «украинизацией», «белоруссизацией», «финнизацией» (в Карелии) и подобными, зачастую мифическими угрозами были осуществлены десятки операций массового уничтожения этнонациональных элит и просто рядовых граждан из числа национальных меньшинств, особенно в западных регионах²¹.

Развязанный сверху террор поразил все общество и его институты, повлек за собой массовую панику, изменил взаимоотношения в советских учреждениях и на предприятиях, «Саморазоблачения» захлестнули страну. Никто не мог понять критериев, на основе которых выбирались жертвы, как и почему недавние друзья, родственники, знакомые, мужья и жены, в один день объявлялись «вредителями», «врагами народа» и прямо на партийных и профсоюзных собраниях арестовывались НКВД²².

Имело место жестокое подавление любых форм несогласия, а тем более – открытого протеста, которые еще были возможны в первое постреволюционное десятилетие. Советское общество накануне войны, особенно после террора 1937–38 гг., было зажато между тотальной идеологической индоктринацией и репрессивными институтами власти. И только в канун и в годы войны этнонациональная политика несколько смягчилась, произошел своего рода прагматичный поворот к русскому национальному прошлому.

Предвоенная эпоха советизации дала свои результаты. *Великая Отечественная война подтвердила приверженность подавляющего большинства советских людей, независимо от их этнической, конфессиональной и социальной принадлежности, гражданским ценностям, центральное место среди которых занял советский патриотизм.* Но и в этом случае не только пропаганда (зачастую довольно изменчивая) и установки властей давали свои результаты. Вооруженная борьба на фронте, работа в тылу по обеспечению фронта, сопротивление врагу на оккупированной территории – все это касалось всех, объединяя людей разных национальностей. Военные условия актуализировали межэтнические

контакты в воинских частях, в эвакуации, на производстве и на оккупированной территории. При этом усложнение этнического состава разных коллективов, мест проживания и структур управления воспринималось вполне толерантно, хотя и не всегда гладко.

Эвакуация, межэтнические контакты, вера в победу

По воспоминаниям старшего поколения членов Российской академии наук, эвакуация институтов академии вместе с сотрудниками и членами их семей в Ташкент, Свердловск и Казань не вызвала никаких проблем с точки зрения взаимодействия с властями и контактов с местным населением. Везде эвакуированные встречали поддержку, с ними делились жильем и продуктами²³. Всего на восток были эвакуированы к ноябрю 1941 г. свыше 10 млн. чел. и более 1360 крупных предприятий. На Урале к концу 1942 г. были размещены 830 предприятий и переселено более 2 млн. чел., т.е. четверть эвакуированного населения²⁴.

Приведу некоторые места из воспоминаний академика Полякова. Вместе со студентами и преподавателями МИФЛИ (Московский институт философии, литературы и истории) он был сначала эвакуирован в Ташкент и по пути туда поезд остановился на несколько дней в Муроме, где их расселили по частным квартирам. В его воспоминаниях есть такие строки: «Было 6 ноября 1941 г. (в этот самый день в родильном отделении Нижне-Сергинской больницы родился автор доклада! – В.Т.). За мелкими частными делами по расселению стояло одно главное: что происходит? Настроение было подавленное. За сводками Информбюро чувствовалось определенно: армия отступает, Ленинград окружен, противник ведет бои в ближнем Подмосковье, в поселках, где летом селились дачники. И мы едем черт знает куда и зачем. Да, мы готовы жить в землянках, работать по 20 часов в сутки, но будет ли от этого толк? И вот, 6-го ноября вечером мы прильнули к черному рупору радиоточки. Не отрываясь выслушали доклад Сталина. Со всей искренностью, через семь без малого десятков лет я чувствую и говорю о том поразительном влиянии, которое сталинский доклад 6-го, парад 7-го ноября и выступление 7-го ноября оказали на настроение и армии, и тыла. Почему этот неяркий по форме доклад и краткая речь с обычными на войне заявлениями о грядущей победе, с неизбежными неправдоподобными данными о потерях врага так воздействовали на умы и сердца граждан? Велика сила слова! Сталин сказал то, что хотел услышать каждый: «Мы отстоим Москву и перейдем в наступление»²⁵.

Выступления Сталина 6 и 7 ноября, а также военный парад на Красной площади стали выдающимися фактами Отечественной войны: это была не про-

сто вера в победу, это была демонстрация уверенности в победе. В своей первой речи 3 июля 1941 г. Сталин говорил об угрозе социально-политическому строю, о том, что враг ставит целью «восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности... свободных народов Советского Союза». 6 ноября он говорил о «нашем социалистическом государстве», о том, что при царизме попирались права нерусских народов, устраивались «средневековые еврейские погромы». 6 и 7 ноября в речах Сталина появился тезис об особой роли русского народа, о великой русской нации, были названы имена ее выдающихся представителей, в т.ч. русских полководцев Суворова и Кутузова²⁶. Тема ведущей роли русского народа и утвердившееся в те годы понятие «старшего брата» стали одними из основных в пропаганде, а среди партийных идеологов возобладала не всегда открыто артикулируемая установка «выдвинуть на первый план мотив русского национализма»²⁷.

Отказ от идеологических крайностей и частичное обращение к дореволюционному прошлому оказали позитивное воздействие, наряду с другими методами воздействия, улучшили моральную обстановку в тылу и на фронте. Межэтническая рознь и проявления ксенофобии пошли на убыль. В тылу для этого и не было особых условий из-за военных тягот и жесткой дисциплины. Как вспоминает Ю.А. Поляков, после Муромы коллектив МИФЛИ добрался до Ташкента, а затем и до Ашхабада, где слился с университетским коллективом МГУ. Зимой 1941–1942 гг. и весну 1942 г. объединенный коллектив провел в Ашхабаде. Местные власти и жители оказали студентам и преподавателям всяческую помощь, а студенты и профессора участвовали в полевых работах, читали лекции на предприятиях, в госпиталях, проводили субботники. В июне 1942 г. правительство приняло решение перевести МГУ в Свердловск.

Урал встретил московскую публику более сурово. Ю.А. Поляков так вспоминает Свердловск 1942 г.: «Занятия начались только 10 ноября. До этого студентов использовали на сельхозработах (студенческие кадры использовались всесторонне)... Проработав в колхозе неделю (это была деревня в Красноуральском районе – *В.Т.*), мы вернулись в Свердловск... В Свердловске сложился довольно сильный и значительный коллектив. Занятия шли более организованно и регулярно, чем в Ашхабаде. Заметной стала комсомольская жизнь. В марте 1943 г. все комсомольцы – и те, кто работал на заводах, в воскресный день участвовали в строительстве Свердловского водопровода... Главным вкладом университета в оборону была работа на заводах (скорее всего, это и была основная причина перевода МГУ из Ашхабада в Свердловск – *В.Т.*). Многие имели производственные специальности – прежде всего, на химическом, физическом, биологическом, геологическом факультетах. Немало студентов работали шоферами, грузчиками,

подсобными рабочими. Конечно, большое значение имели доклады, лекции, которые читались профессорами и преподавателями на предприятиях, в воинских частях, в госпиталях. Учебный процесс не прерывался ни на один день. Учебной базой был УИИ (Уральский индустриальный институт). В огромном, выстроенном незадолго до войны здании места для занятий хватало. Хуже было с жильем. Часть студентов поместили в общежитие, часть разместили в жилища граждан «путем уплотнения»... Итак, большинство студентов поступили на заводы, продолжая занятия в университете. Добавлю, что работа была не только хлебной (по рабочей карточке с оборонного завода студенты получали 600 грамм хлеба в день – *В.Т.*). Это был искренний патриотический долг, веление души и сердца. А о хлебе говорили много, полагая, что это прибавляло сытости»²⁸.

Карательные акции против «этнической периферии»

Перед войной и в ходе войны репрессивная политика сталинизма переориентировалась с социальной направленности (точнее – аргументации) на этнические избирательный принцип, определив представителей некоторых этнических групп «контрреволюционными», «враждебными», «антисоветскими» и т.п. Еще в годы «большого террора» были проведены операции массовых этнических чисток в отношении поляков, немцев, румын, латышей, эстонцев, финнов, греков, афганцев, иранцев, китайцев, македонцев²⁹. Тотальной депортации в районы Средней Азии было подвергнуто корейское население Дальнего Востока. Массовые аресты и депортация больших групп населения произошла на вновь присоединенных территориях в 1940–1941 гг. В июне 1941 г. за 8 дней до нападения Германии началась массовая депортация в восточные и северные районы литовских, латышских и эстонских семей. Из Эстонии были выселены 10 тыс., из Литвы – около 15 тыс., в большинстве своем женщины, старики и дети³⁰.

Для многих из эвакуированных и насильно переселенных, как и для жителей принимающих регионов, эвакуация стала новым испытанием на межэтническую толерантность. Из Эстонии, например, всего за годы войны было переселено около 60 тыс. чел., которые размещались главным образом в приуральских и приволжских областях, в автономных республиках РСФСР, на Урале и частично в Западной Сибири. Условия жизни были трудными, отношения с местным населением сложными вплоть до конфликтов в местах ссылки. Однако даже в этих условиях особое внимание уделялось детям. Летом 1942 г. только в Челябинской области детские сады посещали 600 эвакуированных из Эстонии детей, для оставшихся без родителей были открыты детские дома. Уже в 1941–1942 гг.

функционировали эстонские школы и отдельные классы при местных школах в 8 областях³¹. Примерно также описывает жизнь в Курганской области насильственно перемещенных жителей Молдавии (это уже была вторая после 1940 г. послевоенная волна ссыльных), молдаван и гагаузов, М.Н. Губогло в своих мемуарах, отмечая доброе отношение местных жителей и хорошую систему школьного образования³².

Как отмечают составители документальной публикации о советской национальной политике, «предвоенный террор, разжигание социальной вражды и чистки на этнической почве были важной причиной заметной активизации коллаборационизма и антисоветских настроений во время войны. Советское руководство было озабочено успехами нацистов в формировании различных национальных формирований из советских граждан, иными проявлениями сотрудничества с врагом, а также уклонениями от службы в Красной армии. Используя эти факты, а также возможности, предоставляемые военным положением, сталинское руководство прибегло к повторению сплошных массовых депортаций на этнической основе»³³. Этим карательным мерам подверглись российские немцы, крымские татары, народы Северного Кавказа³⁴. Можно сказать определенно, что депортация ряда народов, необоснованно обвиненных в предательстве, была одной из мрачных страниц истории многонационального Советского государства. *Политику репрессий против целых народов не могут оправдать чрезвычайные условия войны, стратегические расчеты и факты коллаборационизма, имевшие место на оккупированной фашистами территории.*

В северокавказском регионе центром нестабильности в военные годы, вплоть до переселения ряда его народов в 1944 г., была Чечено-Ингушетия. По сведениям НКВД, местные «повстанцы» имели свои отряды в республиках региона общим числом около 350 чел. Они, якобы, поддерживали контакты с германскими и разведывательно-диверсионными группами, имевшими задачу создания фронта «антисоветской борьбы» на Северном Кавказе. К июлю 1943 г. в результате «чекистско-войсковых» операций в Чечне и прилегающих к ней районах с июля 1941 г. были разгромлены несколько групп (119 чел.). Насколько эти данные достоверны, судить сложно. Возможно, спецслужбы выдавали за свои успехи захват скрывавшихся в лесах жителей, а иногда просто попавших под подозрение граждан без особого на то основания. Методы работы НКВД того времени были не просто жестокими, но и часто преступными.

В феврале 1944 г. на основании постановления ГКО СССР от 31 января в ЧИА ССР была начата операция по выселению чеченцев и ингушей в Казахстан и Киргизию. К ее проведению, помимо войск НКВД, были привлечены воинские

части и военные училища. В их задачу входило оцепление сел в горных районах республики. Аналогичные мероприятия проводились в Северной Осетии, Дагестане, Грузии, Кабарде, Черкесии, Крыму и Калмыкии. Тотальное выселение в годы войны целых народов (чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, крымских татар и других) было преступлением тогдашнего сталинского режима, и эта нанесенная им травма оставила тяжелый след в коллективной памяти репрессированных народов.

Незаконно репрессированные граждане всех национальностей с огромными трудностями и людскими потерями (недоедание, болезни, разлука и психологический стресс) трудились в тылу. Режим спецпереселенцев был разным и немногим легче, чем в гулаговских лагерях и тюрьмах. Тем не менее, и эта часть населения была проникнута стремлением внести свой вклад в борьбу против фашистской Германии. Существовала т.н. *трудоармия*, в которую входили главным образом российские немцы-мужчины, направленные на тяжелые лесоповальные и другие работы на Урале и в Сибири. Лишь в 1960-е гг. после смерти Сталина многие из них получили статус тружеников тыла и даже были награждены орденами и медалями. Заслуживает отдельной страницы в истории труд депортированных народов из регионов Северного Кавказа, Крыма, Калмыкии, не говоря уже о том, что до депортации многие их представители сражались на фронтах войны³⁵.

Партизаны, пленные, коллаборационисты

Вооруженное сопротивление на оккупированных территориях, в тылу врага имело место в целом ряде европейских стран, занятых войсками гитлеровской оси. Наиболее известны в истории партизанские движения на территории Югославии, Словакии, Франции, но подлинно выдающийся размах партизанское движение приобрело на территории СССР, особенно в Белоруссии. Многочисленные партизанские формирования на оккупированной территории имели многоэтнический состав, хотя в них и преобладало местное население, т.е. белорусы, русские, украинцы. За время войны были зарегистрированы свыше 6 тыс. партизанских отрядов, в которых сражалось более миллиона человек. 184 тыс. партизан были награждены орденами и медалями СССР, 249 удостоены звания Героя Советского Союза.

Примером патриотизма народов СССР в годы войны служит история борьбы с нацизмом в Белоруссии. Ко времени оккупации республики на ее территории были оставлены более 420 отрядов и диверсионных групп. Многие их участники погибли в результате боевых действий, в боях с карателями. Тем не

менее, к концу 1941 г. в республике действовали около 100 партизанских отрядов и примерно такое же количество групп. К концу 1942 г. в партизанских отрядах Белоруссии сражались более 50 тыс. чел. Среди партизан были представители 70 национальностей. Абсолютное большинство – 71,2% составляли белорусы, 19,3% – русские, 3,9% – украинцы. Свыше одной тысячи бойцов и командиров разных национальностей в ходе боев за освобождение Белоруссии были удостоены звания Героя Советского Союза³⁶. Мой университетский учитель, ныне покойный академик Григорий Николаевич Севостьянов был командиром одного из партизанских отрядов в Белоруссии. Он оставил целую библиотеку научных трудов и ни одной строчки военных воспоминаний! Бывает и такое, особенно с людьми исключительной скромности. Но по истории партизанского движения имеется обширная литература, не говоря уже о художественном воплощении этой темы.

Тем не менее, мы можем говорить и о том, что только совсем недавно появились работы о партизанском движении, которые основаны на первичных свидетельствах «людей леса» и которые содержат анализ явления через личности участников Сопротивления, нравах и особенностях поведения людей в условиях партизанского движения, его исключительно тяжелом быте, конфликтах в отношениях между отрядами и между отрядами и местным населением, а также проблемы межличностных отношений³⁷. Как пишет историк и журналист В. Кучер, «что касается СССР, то в течение многих десятилетий партизанская война при помощи партийной историографии идеализировалась, приукрашивалась и стилизовалась под исключительно героическую и всенародную борьбу... Партизанское движение, если всерьез о нем говорить – говорить без политического предубеждения, на самом деле оказалось не таким массовым и не настолько героическим, чтобы фиксировать лишь его оптимистическую сторону. Как заметил однажды писатель Алексей Толстой, геройство и суровость партизан ‘проще’, нежели себе представляют те, кто воспитан исключительно на лакированных образах. И действительно, в незамысловатых партизанских буднях не следует искать чего-то необычного. Простые люди совершали простые, грубые, но одновременно и героические дела»³⁸.

Однажды один из знатоков партизанского движения на Брянщине С. Протопопов сказал, что в партизанской войне было и дурное, плохое, трагическое, которое многие годы замалчивалось. «Из-за этого истинная цена лесной войны до настоящего времени глубоко не осознана и нередко воспринимается примитивно и упрощенно». Совсем ничего не писалось о судьбах «окруженцев» и о том, как с ними обращались «особисты» и партийные руководители, обязательно присутствовавшие во всех партизанских группах и отрядах. Нет достаточной

информации о том, что заготовление партизанских баз с продовольствием осуществлялось в ситуации, когда действовал приказ населению, находящемуся под угрозой оккупации, уничтожать всякую живность и вообще все продовольственные запасы, что оставляло десятки миллионов людей без источников пропитания. Имели место казни гражданского населения самими партизанами и насильственный забор людей, живности и продуктов для нужд борьбы, и в то же самое время были случаи перевода большого количества ценного зерна на самогоноварение. Как пишет Кучер, «в Брянской области общее число полицейских и тех, кто состоял в вооруженных изменческих формированиях, превышало общее число партизан. Это – факт исторический. Он свидетельствует о том, что на оккупированной советской территории не только уголовники, бывшие кулаки, или «гнилая» интеллигенция, а рядовые крестьяне, рабочие, люди самых разнообразных профессий сотрудничали с оккупантами. Среди этих лиц были те, кто считал себя обойденным или обиженным властью, были и те, кто мечтал любой ценой свести счеты со сталинским режимом, были бандиты и преступники. Но были и те, кого толкали на сотрудничество с врагом голод, нужда семьи, забота о родных и близких. В этой среде находились и добропорядочные мужчины и женщины, молодые и не очень, люди разных национальностей и различного вероисповедания. Они убрали зимой снег, подметали улицы летом, мыли полы в комендатурах, варили обеды в столовых, стирали белье...³⁹. Муж бабушки моей жены, Шелогуровой Екатерины Кузьминичны, после освобождения г. Калуги был арестован и сгинул в лагерях только за то, что в период оккупации продолжал работать в местной котельной («чтобы люди не замерзли»). И таких людей были тысячи.

При всем при этом, как считают современные авторы, нет сомнения, что партизанское движение было мощной реальностью Великой Отечественной войны, хотя его нельзя назвать привычным определением, как «массовое, всенародное движение». «Партизанское движение на Брянщине носило пестрый характер. Однако (в конечном итоге) тон и смысл Сопротивлению задали те, кто с первых дней фашисткой агрессии с оружием в руках выступил против оккупантов. Большею частью ими оказались отважные и мужественные люди... Партизаны Брянского леса сыграли в целом жертвенную роль. Но эта жертва не является случайной ошибкой власти. Это был ее сознательный выбор – во имя победы над агрессором»⁴⁰.

В войне принимали участие и перешедшие на сторону врага граждане СССР. Созданные из них нацистами воинские формирования включали тех, кто попал в плен, кто не принимал советскую власть, кто пережил репрессии, был лишен собственности и крова, осужден за уголовные преступления. Они исполь-

зовались германским командованием для полевой, охранной, полицейской, строительной, ремонтно-восстановительной и хозяйственной служб. К формированиям коллаборационистов относятся те, которые были созданы гитлеровцами на новых (присоединенных) территориях СССР и которые вели боевые действия против советской администрации, войск НКВД и Красной армии в ходе всей войны. Это были также вооруженные группы местных националистов на территории некоторых автономных республик, выступающие против войск НКВД и воинских частей. Наиболее внушительными были сформированные на оккупированных территориях т.н. национальные полевые части, предназначенные для службы в составе вермахта. К этой категории относится и созданная из военнопленных за пределами СССР для действий в составе вермахта Русская освободительная армия (РОА).

Немцы использовали тот факт, что правительство СССР объявило советских военнопленных «изменниками Родины», отказав в помощи этим людям и допустив репрессии по отношению к членам семей военнослужащих, попавших в плен. Поэтому многие военнопленные считали, что им нечего терять, и вступали в подразделения вермахта. Зачастую в условиях плена для советских воинов речь шла о выборе между жизнью и смертью в немецком лагере или в советском ГУЛАГе. Вступая в создаваемые немцами формирования, некоторые советские военнопленные надеялись, что до прямого участия в боях против своих соотечественников дело не дойдет, но зато по прибытии на фронт у них будет возможность вырваться из рук немцев и перейти на сторону Красной армии и партизан. Других подкупало их положение в качестве солдат вермахта и связанное с этим улучшение питания и жизненных условий. Были и такие, кто выбирал службу у немцев из карьерных побуждений или ради материальной выгоды, стремился завоевать доверие новых хозяев и связать с ними свою судьбу.

Таким образом, значительная часть попавших в плен оказалась по принуждению или добровольно в рядах «восточных войск» вермахта и принимала участие в боях против Красной армии, но были и те, кто сражался среди европейских партизан или союзников СССР по антигитлеровской коалиции. По некоторым подсчетам, среди надевших немецкую униформу русские составили около 300 тыс., украинцы – 250 тыс., белорусы – 70 тыс., казаки – 70 тыс., латыши – 150 тыс., эстонцы – 90 тыс., литовцы – 50 тыс., азербайджанцы – до 40 тыс., северокавказцы – до 30 тыс., грузины – 25 тыс., армяне – 20 тыс., волжские татары – 12,5 тыс., крымские татары – 10 тыс., калмыки – 7 тыс. чел. Число казахов, узбеков, туркмен и других народов Средней Азии – около 70 тыс. чел.⁴¹

Несмотря на то, что сотрудничество с врагом в годы войны было распространено, масштабы этого явления не были столь велики по сравнению с

готовностью основной части советского населения защищать свою Родину от немецко-фашистского нашествия. Не удивительно поэтому, что население страны видело в примкнувших к вражеской армии предателей, пособников оккупантов, а те, кому удавалось вырваться из плена, подвергались унижительным проверкам, направлению в штрафные батальоны или попадали в советские лагеря. Но многие освобожденные уже по окончании войны военнопленные, не связанные сотрудничеством с немцами, возвращались к своим родным местам. Мой отец Тишков Александр Иванович, 28-летний лейтенант и политрук, захваченный в плен в первый месяц войны на Украине под Белой Церковью, освобожденный американцами во Франкфурте-на-Майне в апреле 1945 г. и переданный советским военным, вернулся в конце лета 1945 г. домой после 3-месячной проверки в неизвестном мне месте. Он всю жизнь проработал школьным учителем, хотя первые послевоенные годы ходил отмечаться в местную милицию, а я еще долго заполнял графу в выездных анкетах: «Был ли кто-то из ваших близких родственников в немецком плену или на оккупированной территории, кем и когда был освобожден?» Пока заведовавшая международными связями в Институте всеобщей истории АН СССР Елена Ильинична Агаянц (супруга легендарного советского разведчика-нелегала) мне не сказала: «Не заполняй эту графу, это уже никому не интересно».

Кто и как воевал

По Конституции 1936 г. были упразднены всякие социальные и этнические ограничения на выполнение воинских обязанностей граждан СССР. Обязательной мобилизации подлежало все мужское население определенного возраста, хотя, по некоторым данным, существовал список в несколько десятков национальностей, представителей которых брали на воинскую службу только как добровольцев. В целом это не сильно влияло на этнический состав военнослужащих. Все военные части были многоэтническими по составу. В начале 1942 г. в действующей армии находились 1,2 млн. азербайджанцев, армян, башкир, грузин, казахов, киргизов и узбеков. В годы войны из республиканских призывов было укомплектовано свыше 80 национальных (по этническому признаку) дивизий и бригад, хотя эта практика уже не была всеобщей.

Многих россиян интересует вопрос: кто и как воевал во время Великой Отечественной войны? Этим озабочены историки, ветераны, общественные активисты. Но этим же было озабочено и тогдашнее советское руководство и военное начальство. Один вопрос – поведение населения в тылу и на занятых врагом территориях, но более важный вопрос – это состояние бойцов в дейст-

щей армии, это их взаимоотношения и общий климат в экстремальных условиях фронта. На протяжении всей войны усилия армейских политруков были направлены не только на формирование преданности Родине и ненависти к врагу, но и на работу среди многоэтнических воинских подразделений, особенно на работу среди бойцов нерусской национальности. В октябре 1942 г. на имя начальника Главного политического управления РККА Щербакова была подготовлена справка с Донского фронта за подписью Кощеева следующего содержания: «На вашу телеграмму за № 4948-27 от 14.10.42 г. сообщаю данные о количестве бойцов нерусской национальности: украинцев – 15 688, белорусов – 1787, армян – 641, грузин – 448, азербайджанцев – 237, узбеков – 2146, таджиков – 237, туркмен – 187, казаков – 3152, киргизов – 181, карелов – 35, евреев – 2047, чеченцев и ингушей – 305, кабардинцев и балкар – 213, осетин – 203, народностей Дагестана – 79, татар – 3354, чувашей – 743, мордвин – 663, башкир – 1410, калмыков – 276, удмуртов – 172, марийцев – 359, коми – 84, буряты – 23, молдаване – 40, поляки – 31, прочие – 352 чел. В виду отсутствия полиграфической базы на месте, считаю целесообразным и необходимым издание газет для нерусских национальностей централизованным порядком в Москве»⁴². В этом документе важен факт, что среди перечисленных национальностей были представлены и те, которых затем депортировали с мест проживания, а находившихся в действующей армии буквально выдернули из окопов и отправили в ссылку. Это – балкарцы, калмыки, чеченцы и ингуши. В позднейших справках, в представлениях на награждения, а также в перечне боевых подвигов представители этих и других депортированных национальностей даже и не назывались.

Еще одна справка с Донского фронта за подписью Галаджева от 7 декабря 1942 г., которая пусть и суконым языком говорила о последовательной воспитательной и пропагандистской работе среди солдат и о том, что эта работа давала свои результаты: «Популяризируя подвиги бойцов и командиров нерусской национальности, отличившихся в боях, ряд политорганов больше уделяет **внимания вопросам воспитания военнослужащих нерусской национальности**, систематически руководят выделенными агитаторами, проводят митинги, беседы и доклады на языках красноармейцев нерусской национальности. В части, где начполитотдела т. Ключко, подобрано 108 агитаторов, знающих языки красноармейцев **нерусской национальности**. Во всех подразделениях, где имеются красноармейцы нерусской национальности, выпускаются боевые листки, организован перевод сообщений Совинформбюро на **узбекский, казахский и другие языки**. Для широкой популяризации успехов частей Красной Армии во многих частях были проведены митинги на языках народов национальных республик, на которых выступали лучшие отличившиеся в боях военнослужащие.

Была организована посылка писем родным красноармейцев, отличившихся в наступательных боях и награжденных. Комсомолец казах Атафанов из соединения, где зам. командира по политчасти Прокофьев, выступая на митинге, заявил: 'Близится тот день, о котором говорил т. Сталин. Скоро и на нашей улице будет праздник. Мы его завоюем в упорных боях при активном участии каждого из нас'.

В соединении, где заместителем политотдела т. Мищанский, на митинге выступали бойцы **на узбекском, казахском, таджикском и других языках**. Старшина коммунист Костанов, узбек, выступая на митинге, заявил: 'Все народы нашей страны в этот решительный момент еще теснее сплетаются вокруг партии Ленина–Сталина, чтобы быстрее разгромить врага, настало время расплаты, инициатива в наших руках, крепче ударим по фашистским бандитам, пусть советская земля станет могилой для гитлеровских извергов – этого ждут и требуют все народы нашей родины'. Многие части за последнее время систематически получают письма от родных и с предприятий национальных республик, однако переписка, как одна из действенных форм воспитания личного состава, еще используется недостаточно. Проверкой в частях, где начальником политотдела Соколов и Катков, выявлено, что в частях даже не всегда организуют посылку писем родным и на предприятия. На устранения этих недостатков обращено внимание в работе политорганов»⁴³.

Отношения в воинских подразделениях не всегда были без проблем: сказывались разные уровни развития, знания русского языка, ментальность и некоторые идейно-политические взгляды. «Особисты» (военнослужащие особых отделов НКВД при воинских частях) неоднократно сообщали информацию «о недостатках работы с красноармейцами нерусских национальностей». Цитирую одно из них «об отношениях некоторых командиров и политработников частей Южного фронта к бойцам нерусских национальностей» от 12 апреля 1942 г.: «Некоторые командиры и политработники частей Южного фронта пренебрежительно относятся к бойцам-грузинам, азербайджанцам, дагестанцам и узбекам. В 188-й кав. полк 60-й кав. дивизии прибыло 300 чел. пополнения из восточных республик, которые без подготовки были направлены в бой. В результате чего понесли большие потери. По распоряжению командира 188-го кав. полка Ольшанского позади этого пополнения был установлен заградительный отряд из казаков с задачей расстреливать каждого в случае отхода. Как установлено следствием, Ольшанский о прибывшем пополнении из восточников заявил: 'Пусть их давят танки и расстреливает противник, тогда скорее уедем в тыл на комплектование. Казаков и русских нам нужно сохранять, они нам пригодятся'. Ольшанский арестован особым отделом...»⁴⁴. Еще одна цитата из донесения начальника Политуправления Южного фронта о взаимоотношениях красноармей-

цев в одном из батальонов 57-й армии от 8 мая 1942 г.: «3-й батальон 1157 сп 351 сд 57 армии состоит из 23 национальностей. В батальоне заметна отчужденность между русскими и нерусскими красноармейцами: так, кабардинцы, узбеки собирались группами и делились между собой табаком, но если к ним обращался русский за табаком, то они отказывали. Замечая это, политруки и сам военком не организовали ни одной беседы о сталинской национальной политике, о дружбе народов СССР»⁴⁵.

Как следует из донесений политработников и особистов, среди нерусских солдат были чаще случаи дезертирства и членовредительства. 7 июня 1942 г. начальник орготдела ГлавПУРККА докладывал высшему начальству «совершенно секретно» о фактах измены Родине в частях действующей Красной Армии: «В лагерь врага переходят, главным образом, рядовые военнослужащие, семьи которых остались на территории, оккупированной противником, лица, вышедшие из окружения или побывавшие в плену у немцев, а также красноармейцы нерусских национальностей, призванные в областях и республиках Закавказья и Средней Азии. По одной только Приморской армии среди изменников Родине лица нерусской национальности составляют 79,8%. В феврале, марте и апреле из частей этой армии перешли в стан врага: азербайджанцев – 135 чел., грузин – 111, лезгин – 71, армян – 75, украинцев – 55 и других национальностей – 48»⁴⁶. Из донесения Главпура Юго-Западного фронта о членовредительстве от 21 июня 1942 г.: «Анализ случаев членовредительства показывает, что они идут главным образом за счет красноармейцев нового пополнения, причем большинство из них красноармейцы нерусской национальности, плохо или совершенно не владеющие русским языком... Причинами такого большого количества членовредительства главным образом являются: 1. Неудовлетворительная постановка работы среди прибывающего пополнения нерусской национальности. Как установлено проверкой в 242-й, 76-й с.д. и др. частях, отдельные бойцы, особенно не владеющие русским языком, не знали о строгой ответственности за членовредительство»⁴⁷.

В документах Российского государственного архива социально-политической истории хранится докладная записка руководителя группы агитаторов ГлавПУРККА генерала Ставского о результатах поездки на Закавказский фронт в октябре–ноябре 1942 г. в район Моздока и Орджоникидзе, где шли жестокие бои с немецкими войсками. В ней содержится подробный анализ проблемы межэтнических отношений и поведения на фронте военнослужащих разных национальностей, которая называется важнейшей для Закавказского фронта. 4 декабря 1942 г. Ставский пишет зам. начальника Главпура И.В. Шикину: «Совершенно недопустимым является тот факт, что даже среди руководящего команд-

но-политического состава довольно свободно и безнаказанно гуляет 'теория', что якобы кадры нерусской национальности не умеют и не хотят воевать. Пренебрежительно-насмешливые клички по отношению в народностям Кавказа имеют широкое хождение («Сыны Кавказа», «братья-славяне» (?), «кучерявенькие», «черненькие» и т.д.). Даже среди ряда несомненно авторитетных и заслуженных руководящих работников армии неправильные разговоры на данную тему не только не находят должного отпора, но и снисходительно поощряются... Сплошное охаивание качеств и преданности Родине целых народов (азербайджанцев, армян, грузин, узбеков и т.д.) проникает в среду бойцов. Отношение к бойцам нерусской национальности, особенно не знающим русского языка, подчас бывает недопустимо высокомерным, грубым, способным только озлобить и оттолкнуть.

Есть ли факты резко отрицательного порядка среди бойцов нерусской национальности? Да, есть и немало. Не прекратились факты перехода на сторону врага, притом иногда массового перехода... Есть факты дезертирства, малодушия, самострелов. Все эти факты требуют принятия самых решительных мер и карательного, и воспитательного порядка. Однако, во-первых, подобного рода факты имеют место и среди отдельных бойцов русских, украинцев, белорусов. Во-вторых, на примере этого же фронта можно привести факты, когда дивизии, многонациональные по составу, хорошо дерутся. Такова, например, 417-я стрелковая дивизия. В-третьих, совершенно недопустимым является обобщение этих отрицательных фактов в сплошную картину, сплошное охаивание целых народностей и попытки за данными фактами спрятать бездеятельность, безрукость и политическую близорукость самих политорганов, попустительство которых само по себе становится в известной мере причиной, обуславливающей возможность существования указанных фактов»⁴⁸.

Приведем извлечения из архива т.н. «Комиссии Минца», когда еще в ходе войны в Институте истории АН СССР под руководством академика Исаака Израилевича Минца была создана группа, которой было поручено провести беседы и собрать устные свидетельства среди участников боев Красной Армии. Материалы этой комиссии недавно были введены в научный оборот⁴⁹.

Из беседы (сотрудников Комиссии) с генерал-лейтенантом Василием Ивановичем Чуйковым – командующим 62-й армией. 5 января 1943 г. Сталинград: «Сталинград оборонялся на 99,9% армией, теми самыми сибиряками, украинцами, узбеками и другими национальностями, приехавшими в Сталинград защищать советскую власть, одни хуже, другие лучше, но факт остается фактом... Были корреспонденты – иностранцы, все допытывались, какие части здесь стояли, где они комплектовались. Спрашивали, что это сибирские части? Я говорю,

ничего подобного – русские, украинцы, узбеки, татары, казахи и т.д. Фактически так и было. Здесь были представители всех национальностей, а не какие-то особые, отборные части, специально созданные для Сталинграда. Конечно, русских было больше, потому что русского населения было больше. Лучше всего дрались у нас русские, потом украинцы и даже узбеки, которые раньше никогда не воевали. Правда, первый и второй день плачут, потом сама обстановка заставляет его смотреть на русского, на украинца и с ними вместе бьется и умирает. Высокое политическое сознание было исключительное для бойцов. Мы бы там легли, но мы бы не отступили, в крайнем случае, пули бы себе в лоб пустили. Такое у нас было решение, что без приказа свыше, мы ни в коем случае не уйдем. В этом отношении я со всей ответственностью заявляю, что военный совет не ушел, а за ним не ушли бы и другие»⁵⁰.

Из беседы с генерал-майором Александром Ильичем Родимцевым – командиром 13-й гвардейской стрелковой дивизии 62-й армии. 7 января 1943 г. Сталинград: «Там получилось немного не так, то есть дали пополнение, а люди не пошли – узбеки, которые крайне плохо воюют. Из этой группы, кто не пошел, расстреляли всех. Ставилась задача после взрыва этой группе, обеспеченной огнем, ворваться в железнодорожный дом. Там были люди русские, старые бойцы, которые хорошо воевали, разведчики... Лучше всех воевали сибиряки»⁵¹. Эти слова были сказаны генералом Родимцевым практически в окопных условиях. Зная прямооту и резкость характера генерала, приведу другое свидетельство из его воспоминаний, связанное с известнейшим эпизодом Сталинградской битвы – оборонной бойцами 13-й гвардейской стрелковой дивизии т.н. «Дома Павлова». Тогда уже генерал-полковник и дважды Герой Советского Союза А.И. Родимцев так написал об этом героическом эпизоде: «На личной карте Паулюса этот дом был отмечен как крепость. Пленные немецкие разведчики считали, что его обороняет батальон. Об этом доме сначала узнала наша армия, потом вся страна и, наконец, весь мир. Да, это был дом-крепость, его обороняли бойцы, каждый из которых стоил целого отделения, а то и взвода противника, и слава о них не померкнет в веках»⁵². Как говорил генерал, гарнизон этого дома олицетворял многонациональный характер и дружбу народов нашей страны. Он состоял из воинов десяти национальностей: русские (10 чел.), украинцы (6 чел.), два грузина, два татарина, армянин, казах, узбек, таджик, еврей, калмык⁵³. Следует отметить, что никто специально не выбирал бойцов по национальности, отбирали их исключительно по боевым качествам. А генерал Родимцев, вспомнив своё участие в гражданской войне в Испании, называл их «настоящей интербригадой».

Преимущественно как добровольцы попадали на фронт аборигены из малочисленных народов Севера. В Ямало-Ненецком автономном округе в первые

дни войны подали заявление с просьбой о направлении в действующую армию 140 чел., а из коренных народов Дальнего Востока ушли на фронт свыше 600 добровольцев. Только из нанайского колхоза «Новый путь» воевали 97 чел., из одного кетского колхоза Таймырского округа более 20, из колхоза имени Кирова – 10 энцев. Из Тонкинского района сражались с врагом более 50 эвенков, 23 из них погибли. Героями Советского Союза стали нанаец А. Пассар, эвенк-разведчик И. Увачан. У одного убитого немецкого офицера было найдено неотправленное письмо, в котором он писал: «Огромные потери мы несем от русских снайперов. Они преследуют нас в любых местах и не дают поднять головы... Из числа убитых в моем батальоне большая часть пала от выстрелов какого-то азиата». Этим азиатом был эвенк из Якутии Иван Кульбертинов⁵⁴.

Учитывая, что часть воинов нерусской национальности слабо владела русским языком, на фронте печатались газеты на языках тех или иных народов. Газеты 1-го Украинского фронта «За честь Родины» издавалась, кроме русского, на казахском, татарском, узбекском и украинском языках; 3-го Украинского «Советский воин» – на армянском, азербайджанском, грузинском, казахском, татарском, узбекском и молдавском языках; 4-го Украинского фронта – на азербайджанском, казахском, татарском и узбекском языках. Газета Воронежского фронта в сентябре 1943 г. печатала подборки материалов под рубрикой «Народ – своим сыновьям-воинам», где содержались выдержки из писем воинам разных национальностей – узбекам, казахам, татарам. Единственная в стране газета-письмо, предназначенная специально для фронта, «Дагестан – своим фронтовикам», выходила с августа 1943 по 16 мая 1945 г.⁵⁵

В контексте современной драматической ситуации на Украине полезно вспомнить, что в освобождении Украины участвовали представители всех народов СССР. Среди бойцов и офицеров 1-го Украинского фронта на 1 января 1944 г. против гитлеровских захватчиков сражались представители 89 национальностей, среди личного состава частей и соединений 2-го Украинского фронта – 83 национальностей. На земле Украины воевали соединения, сформированные во многих республиках. В этих боях прославились воины дивизий, сформированных из ополченцев Москвы, танкисты 10-го гвардейского Уральского танкового корпуса, 150-й Сибирской добровольческой стрелковой дивизии, 416-й дивизии, сформированной в Азербайджане, 344-й – в Грузии, 387-й – в Казахстане, 399-й – в Узбекистане и т.д. Значительную прослойку в частях и соединениях Украинских фронтов составляли воины-украинцы, численность которых в войсках вырастала по мере освобождения Украины и мобилизации в армию мужского населения освобожденных районов. В 1944 г. немало частей и подразделений на 50–70% состояло из украинцев. Среди 700 воинов 1-го Украинского фронта, удостоен-

ных звания Героя Советского Союза в битве за Днепр и Киев, представители 33 национальностей. За героические подвиги почти 4 тыс. освободителям Украины было присвоено звание Героя Советского Союза, в т.ч. 2598 русским, 668 украинцам, 69 белорусам, 62 грузинам, 35 армянам, 33 узбекам, 30 казахам, 17 азербайджанцам, а всего представителям 43 национальностей⁵⁶.

Всего в годы войны орденами и медалями были награждены более 7 млн. чел. Свыше 11 500 воинов удостоились звания Героя Советского Союза, и в их составе были представители всех советских национальностей. Отдел по учету награжденных при Секретариате Президиума Верховного совета СССР в мае 1946 г. подготовил справку о количестве награжденных орденами и медалями СССР за время Великой Отечественной войны. По национальному составу данные были подготовлены на 7 330 519 чел.⁵⁷ Из них: русские – 4 985 449 (68%), украинцы – 1 305 584 (17,8%), белорусы – 211 806 (2,9%), азербайджанцы – 29 746 (0,4%), грузины – 42 868 (0,6%), армяне – 57 073 (0,8%), туркмены – 11 482 (0,2%), узбеки – 61 899 (0,84%), таджики – 11 070 (0,15%), казахи – 76 061 (1%), киргизы – 11 064, карелы – 6 437, молдаване – 9 896, литовцы – 3 318, латыши – 8644, эстонцы – 5895, татары – 138 632 (2%), башкиры – 22 798, дагестанцы – 8490, бурят-монголы – 5542, кабардинцы – 2784, коми – 11 287, марийцы – 14 696, мордва – 44 980, осетины – 10 678, удмурты – 15 309, чувашаши – 41 143 (0,6%), якуты – 1715, абхазы – 1117, аджарцы – 84, каракалпаки – 1322, адыгейцы – 2830, евреи – 141 502 (2%), ойроты (891), хакасы – 1642, народы Севера – 926, тувинцы – 126, другие национальности СССР – 6858, национальности других стран – 16 875.

Если порядок расположения национальностей в данной справке был подчинен официально принятому порядку расположения народов СССР (по иерархии национально-территориальных образований), то представить себе, что кто-то в наградных отделах фронтов определял и координировал между собой каких представителей каких национальностей и какими знаками награждать, то такое представить себе невозможно. Эта справка действительно говорит о том, что воевал весь советский народ и заслужившие получали свои ордена и медали. К сожалению, в этом итоговом списке не были представлены депортированные народы, хотя среди них было достаточно награжденных, в т.ч. самыми высокими наградами и званиями.

Исследования последних лет исправляют эти несправедливости, включая фальсификации типа о белом скакуне, который, якобы, чеченцы собирались подарить Гитлеру. Можно уверенно сказать, что народы Кавказа с самого начала выступили на войну с немецким агрессором и считали эту войну справедливой, освободительной. После депортации сотрудники НКВД и пропагандисты наме-

ренно создавали голословные версии о массовом пособничестве оккупантам, но на самом деле не существует данных о таком пособничестве, а тем более – о массовом участии горских народов Кавказа в военных действиях против советских войск. Ситуация носила обратный характер. Имеется достаточно свидетельств об активном участии в боевых действиях и о героизме кавказцев в годы войны⁵⁸. Опубликованные ныне архивные документы, список участников обороны Брестской крепости, отрывки из документальных повестей, посвященных командирам кавалерийского, пехотного, авиаполков, танкового батальона, данные о тех, кто входил в армейскую разведку, воевал на военно-морском флоте, участвовал в партизанской борьбе против фашистов в Белоруссии, французского Движения сопротивления, персоналии Героев Советского Союза и России дают представление о самоотверженности и героизме чеченского народа в защите от гитлеровских захватчиков нашего Отечества. За годы войны из Чечено-Ингушетии в Красную Армию было мобилизовано свыше 50 тыс. чел. (русских, чеченцев, ингушей, армян, евреев, татар и представителей других народов), в т.ч. больше 30 тыс. чеченцев⁵⁹. За время отступления советских войск, когда звание Героя Советского Союза редко присваивалось, четверем чеченцам было присвоено это звание, а десятки представленных к нему чеченцев из-за того, что их народ был депортирован в феврале 1944 г., не получили его. Десять участников войны из числа чеченцев стали Героями Советского Союза⁶⁰.

Что касается правды об участии чеченцев в защите Отечества в войне 1941–1945 гг., то напомним слова Президента страны, сказанные им на встрече с участниками форума «Россия на рубеже веков: надежды и реалии»: «В 1941 году фронт ушел далеко-далеко уже на Восток, а Брестская крепость, которая находилась на западной границе Советского Союза, не имела никаких шансов выжить и победить. Защитники Брестской крепости сражались до последнего патрона и до последней капли крови. Это удивительный пример героизма. Но не многие знают, что примерно одна треть защитников крепости состояла из чеченцев. И вообще, если посчитать на душу населения Чечни, Героев Советского Союза там, наверное, было больше всех!»

Недавно вышла в свет книга о «несостоявшихся» героях Советского Союза из числа депортированных балкарцев⁶¹. До этого были выполнены работы по истории депортаций и принудительному выселению народов СССР в 1937–1945 гг.⁶² Авторы одного из последних обзоров литературы по этой теме пришли к заключению, что «депортации рассматриваются в современной историографии как одна из наиболее массовых форм репрессий в СССР, инструмент советской демографической и национальной политики. Причины депортаций были обусловлены совокупностью внешних и внутренних условий. Среди них и искусст-

венно раздутые опасения возможных действий ‘пятой колонны’, и ‘наказание’ отдельных народов за ‘пособничество’ противнику и сопротивление советской власти, и решение проблем национальной политики, и освоение восточных регионов страны. Сказывалось в организации принудительных переселений и стремление власти к ассимиляции всех этносов в единый советский народ»⁶³. Столь всеядная оценка одного из самых серьезных преступлений сталинского режима недооценивает параноидальную жестокость вождя и его приспешников типа Л.П. Берии, а тем более не показывает нанесенный ущерб способности страны к сопротивлению в годы войны и возможностей для ее мирного развития в последующие десятилетия. Россия и ряд постсоветских стран до сих пор «больны» проблемами изживания этой огромной коллективной травмы, затронувшей десятки этнических, социальных и религиозных групп. Достаточно напомнить, что президентский указ о реабилитации крымских татар и других групп из числа населения Крыма, был принят только в 2014 г. и еще далек от своего полного исполнения.

Мотивы «русскоцентричности» и духовного примирения

Чрезвычайная ситуация кануна и самой войны побудила советскую власть, руководство страны отказаться от некоторых крайностей идеологии классовой борьбы, революционных преобразований в духовной сфере. Наоборот, мобилизация патриотизма и обеспечение лояльности, точнее – преданности существующему порядку потребовали обращения к некоторым национальным традициям и духовным ценностям. Среди задействованных была традиция сопротивления и борьбы с врагами-интервентами: от Мамая и Батыея до польских самозванцев и наполеоновских войск. Эта традиция была довольно прочной и совсем даже незабытой, несмотря на несколько десятилетий советской пропаганды по отторжению дореволюционного прошлого. Особенно важным было преодоление негативизма к опыту Отечественной войны 1812 г., который в 1920-е гг. утвердился под влиянием исторической школы М.Н. Покровского, поставившего в центр этого общенационального подвига по защите Отечества феномен декабризма⁶⁴.

Среди духовных ценностей важным был шаг в отношении Русской православной церкви и религиозных практик жителей страны. Напомним, что советская власть жестоко расправилась с религией и религиозными институтами, а также с их материальным воплощением – храмами, монастырями, иконами и утварью, не говоря уже о земельной собственности. Но вера, особенно в годы

военных испытаний, оставалась одной из важных опор сознания людей, их духовной крепости. Моя бабушка Тягунова Мария Михайловна тайно от моей мамы отнесла меня в местную церковь и окрестила глубокой осенью 1941 г. И так поступали многие. Поэтому прекращение гонений против священнослужителей и открытие некогда закрытых храмов было очень важно для настроений советских людей. В 1943 г. был избран Патриарх Русской православной церкви. Это было решение Сталина вернуть церковь к жизни. Но с какой целью?

Существуют данные, что этот поворот в религиозной политике был вызван намерением успокоить Запад по поводу «экспорта коммунизма» и безбожия в Западную Европу, а также нейтрализовать гитлеровскую пропаганду насчет религиозных гонений в СССР и намерения Германии восстановить религиозную жизнь. Но было также и соображение обеспечить лояльность населения включенных в состав СССР территорий и не отпугивать его жестоким и всеобщим атеизмом. Именно по этой причине большинство открытых заново церквей в годы войны были на территориях Украины и других западных областей. Как пишет один из зарубежных историков, «восстанавливая Русскую православную церковь, Советы не только надеялись извлечь выгоды для своей внешней политики, для них было много ценнее использовать церковь для поддержки политики реассимиляции населения, пережившего немецкую оккупацию, а также для установления центральной власти над теми территориями, на которые претендовали советские западные соседи»⁶⁵.

Самым важным в этом повороте было обозначение темы русского народа как, говоря словами сталинского тоста 24 мая 1945 г., «наиболее выдающейся нации из всех наций, входящих в состав Советского Союза», как «руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны»⁶⁶. «Несомненно, «русскоцентричность» официального идеологического дискурса оказывала немалое воздействие на содержание национальной политики. Однако важно подчеркнуть, что новые тенденции «реабилитации» прошлого, религии и русского этнонационального самосознания имели немалое значение для всех народов СССР. В ходе войны и в послевоенный период наблюдалась активизация церковной жизни и религиозности во всех республиках и национальных образованиях СССР. Усилился интерес к национальным историям и литературе, шире использовались национальные мотивы в литературе и искусстве»⁶⁷.

Образ врага и эмоции ненависти

Вся советская идеология в ходе войны была направлена на воспитание чувства ненависти к фашизму и его носителям. Как пишет Ю.А. Поляков: «Чувство ненависти к противнику во время войны являлось важным военным

фактором на всех уровнях – от тактического до стратегического. Оно придавало воинам Красной Армии – от рядового до полководца – дополнительные силы, столь необходимые в тяжелом ратном труде, как в обороне, так и в наступлении, стало одной из предпосылок, определивших сначала изменение хода войны, а затем и разгром агрессора»⁶⁸. Никто не подвергал сомнению факт вероломного нападения врага, уничтожающего советских людей, их материальное и культурное достояние. Но для ненависти советских людей были и особые причины, кроме свидетельств жестокости врага. «Безусловно, гитлеровцы обращались с местным населением России, Белоруссии, Украины, Молдавии куда более жестоко, чем, например, с чехами или французами. Но и там безжалостность врага породила неутраченный гнев... В СССР были сожжены тысячи деревень, уничтожены миллионы мирных граждан, подверглись бомбардировкам сотни больших и малых городов. С советскими пленными немцы обращались куда безжалостнее, чем с гражданами других государств. Поэтому волна ненависти к врагу нарастала с каждым днем. Это чувство усиливала целенаправленная агитационно-пропагандистская работа партийных комитетов и организаций, органов советской власти, комсомола, профсоюзов»⁶⁹.

Радикальная смена лозунгов от обвинения в войне империалистов к образу врага в лице гитлеровской Германии и немецкого народа произошла в конце 1941 г., когда последовала директива снять во всех военных газетах лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и заменить его лозунгом «Смерть немецким оккупантам!». В сознании советских людей все больше исчезала грань между понятиями «фашист» и «немец». «Возникал единый, без полутонов, образ безжалостного иностранного врага-захватчика – немца-фашиста, которого нужно уничтожить без всякой жалости. Помимо объективных условий для его формирования (зверства фашистов и прочее) этот единый образ получил соответствующее информационно-пропагандистское обеспечение. Он возник в чрезвычайных условиях и был рассчитан на воспитание бескомпромиссной ненависти к врагу»⁷⁰.

В результате пропагандистской работы возрастала ненависть уже не столько ко всему фашистскому, сколько к немецкому, как таковому. Слова Сталина в февральском приказе 1942 г. о том, что «гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остается»⁷¹, не изменили ситуацию. Германия стала изображаться как исконный враг России, всегда стремившийся поработить русских. Доказывалось также вековое превосходство русских над немцами («что русскому здорово, то немцу – смерть»), появилась презрительная кличка «фрицы»⁷². *Эта концентрация негатива в отношении врага была неизбежной, ибо требовалась тотальная мобилизация сознания на борьбу.*

Практически в течение всей войны тема ненависти к врагу и призыв к мести за совершенные захватчиками злодеяния были доминирующими.

В октябре 1941 г. в газете «Правда» А.Н. Толстой писал: «Черная тень легла на нашу землю. Вот поняли теперь: что жизнь, на что она мне, когда нет моей Родины? По-немецки мне говорить? Подогнув дрожащие колени, стоять, откидывая со страху голову перед мордастым, свирепо лающим на берлинском диалекте гитлеровским охранником, грозящим добраться кулаком до моих кубов?... Нет, лучше смерть! Нет, лучше смерть в бою! Нет, только победа и жизнь!»

Константин Симонов – в 1942 г.:

«Так убей же хоть одного!
Так убей же его поскорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!»

По ходу войны и в результате невероятных страданий ненависть и отщепенство стали главными эмоциональными мотивами в действиях советских воинов. При нахождении за пределами СССР ненависть к Германии достигла апогея. При вступлении на территорию Германии это стало приводить к расправам, грабежам, изнасилованиям. Потребовались коррективы, армейские приказы, публичная критика Эренбурга за то, что он изобразил немецкий народ как «единая колоссальная шайка»⁷³. И все же «чувство ненависти советских людей к поверженному врагу в массовом плане было обращено против фашистского руководства и различных звеньев нацистской системы. Оно не ослепило солдат, не превратило их в грабителей и разорителей. Оно не лишило их высоких нравственных качеств, напротив, обострило черты гуманизма. Красная Армия, освободив свою Родину, вступила на территорию других государств, в том числе и Германии, в силу военной необходимости не как агрессор. Имевшие место случаи несправедливого отношения отдельных солдат и офицеров Красной Армии к мирным жителям не могут опровергнуть того исторического факта, что армия-победительница была великодушна и добра к гражданам освобожденных от фашизма стран, включая и поверженный рейх»⁷⁴. За рубежами своей Родины война воспринималась как справедливое возмездие врагу, как конечная цель добивания врага в его собственном логове. Сам факт победного окончания войны затмил вопрос о цене этой победы и о неизбежных для народа послевоенных тяготах жизни.

Цена победы

Вопрос о потерях советского населения в годы Великой Отечественной войны – это не просто одна из сложных научных задач. Это и вопрос нравственного и политического значения, ибо речь идет о крупнейшем мировом конфлик-

те и о той цене, которую разные страны и народы заплатили за общую победу. В год 70-летия Великой Победы именно цифра потерь приводилась как наиболее значимый аргумент решающего вклада. Здесь советские потери могут сравниться только с потерями населения Китая, что и было озвучено Президентом В.В. Путиным на юбилейном параде 9 мая 2015 г. в присутствии на кремлевских трибунах лидера Китайской Народной Республики.

Первым «оценщиком» советских потерь выступил сам Сталин, закрыв тем самым на ряд лет поиски точных цифр. Эти цифры в отечественных изданиях сильно преувеличивали потери противника и занижали собственные. Вообще огромные жертвы советского народа в Отечественной войне тщательно скрывались, дабы не подвергать сомнению эффективность сталинского руководства армией и страной в военные годы. Вопрос об ответственности советского режима за огромное количество жертв ни в какой форме вообще не ставился. В феврале 1946 г. И.В. Сталин назвал число погибших советских граждан – около 7 млн. чел.⁷⁵ Эта цифра была единственной оценкой потерь до начала 1960-х гг., и это было осознанное преуменьшение с целью поддерживать образ исключительно успешного общественного устройства и его жизнеспособности. Особый запрос на эту «успешность» был в годы холодной войны с Западом, когда превалировали именно идеологические битвы. Это не было временем чествования ветеранов, поддержки инвалидов войны, а тем более временем признания понесенных жертв на фронтах, в плену, в ГУЛАГе.

В годы хрущевской «оттепели» появилась цифра общих потерь – 20 млн. чел., половина из которых приходится на гражданских лиц, а вторая – на погибших в боях, умерших от ран, скончавшихся в плену. Эта цифра просуществовала почти 30 лет и приводилась во всех работах о войне. Она появилась не в результате тщательных научных поисков, а как некая верхушечная инициатива, чтобы использовать факт огромных потерь для развенчания культа личности Сталина. «В целом, исследования второй половины 1960 – первой половины 1980-х гг. отличались крайне сдержанным обращением к ‘острым’, малоизученным, дискуссионным проблемам. Мифологизированная история Великой Отечественной войны стала одним из важнейших элементов идеологии брежневской эпохи»⁷⁶. Вплоть до начала 1990-х гг. данные о потерях, которые можно было извлечь из архивных источников, оставались закрытыми для ученых и общественности.

В середине 1980-х гг. «гласность» и ликвидация «темных пятен истории» сформировала запрос на более крупные цифры потерь, и демограф Л.Е. Поляков определяет их (прямые и косвенные потери) в 46 млн. чел., из которых 26 млн. чел. приходилось на сокращение возможного прироста населения⁷⁷. Хотя на 40-летие Победы М.С. Горбачев повторил цифру 20 млн. чел., которые унесла война.

Последовавшие затем новые подсчеты историков и демографов дали в начале 1990-х гг. близкие к ныне признанным цифрам потерь: прямые потери 26–27 млн. чел. и косвенные – 48–50 млн. чел.⁷⁸ Эта цифра прямых потерь была подтверждена специально созданной государственной комиссией по уточнению людских потерь СССР в Великой Отечественной войне⁷⁹. Эту цифру официально назвал Горбачев на 45-летие Победы, и она остается официально признанной и по сегодняшний день. Долгие годы среди специалистов шли дебаты по поводу непосредственно военных потерь Красной армии. Установить такую цифру крайне сложно, но на сегодняшний день считается, что в годы войны погибло 8,7 млн. военнослужащих⁸⁰.

Война изменила демографический облик и этнический состав советского народа. Именно людские потери как очевидное свидетельство цены победы стали наиболее значимым моментом в памяти людей. Эта значимость и вызвала сначала особый контроль со стороны власти за цифрой потерь, не позволяя историкам свободно заниматься этим вопросом. Эта политизация и особая эмоциональная значимость сохраняются и поныне. Акция «Бессмертный полк», начатая в 2012 г. в г. Томске, в год 70-летия Великой Победы вовлекла по всей России миллионы участников, в семьях которых хранятся фотографии погибших во время войны или умерших после нее участников. Портреты родных несли в т.ч. и самые молодые граждане страны, и это уже стало одним из «мест памяти» в национальной идентичности россиян. Ясно, что трагический факт грандиозных утрат заслуживает этой коллективной памяти и задача ученых сохранять эту большую тему в нашей исследовательской повестке.

Таким образом, все народы СССР, все слои населения страны воспринимали войну против третьего рейха как войну справедливую, священную, ответственную. Их сплочение было обусловлено пониманием смертельной опасности, нависшей над страной, над каждым ее гражданином, а образ врага был проникнут ненавистью и «яростью благородной», которая «вскипала, как волна». Это сплочение как одно из мощных проявлений национального самосознания обеспечило победу СССР.

Утверждение концептов советского народа и советского патриотизма

Послевоенный период в истории советского народа заслуживает своего анализа, в т.ч. и с точки зрения процессов в сфере общественного сознания. Мы имеем в виду в данном случае верхушечную идеологию, которая в тоталитарном обществе того времени была важна для формирования устремлений и настроения

людей, их ценностных ориентиров. Следует отметить, что в послевоенные годы режим не претерпел принципиальных изменений, и культ личности Сталина обрел трудно вообразимые масштабы, но что-то существенное изменилось в советском обществе. Во-первых, среди части населения сохранялась и переживалась огромная коллективная травма, связанная с насильственными переселениями больших масс людей, включая целые этнические общности. Напомним, что к концу войны на спецпоселении находилось более 1 млн. российских немцев (1,5 млн. немецких военнопленных – это был совсем другой контингент, также требовавший особого режима и охраны), около 600 тыс. представителей народов Северного Кавказа (чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы), 91 тыс. калмыков, 183 тыс. крымских татар, 94 тыс. турок-месхетинцев, курдов). К этому следует добавить принудительно переселенных с присоединенных перед войной территорий (Прибалтика, Западная Украина, Молдова). Только с территории Украины было переселено около полумиллиона т.н. «неблагонадежных» лиц.

На «освободившиеся» места проживания и на некоторые освобожденные/присоединенные территории (например, территории упраздненных республик Северного Кавказа и Калининградской области) также по принудительной разрядке переселялось население из центральных районов России, главным образом русское. *Огромная страна представляла собой гигантский мигрирующий котел при ужасном состоянии путей сообщения и условий переезда.* Не следует забывать, что после окончания войны с Германией значительная часть войск была переброшена на Дальний Восток для войны с Японией, а часть освобожденных военнопленных содержалась в фильтрационных пунктах и освобождалась или отправлялась в заключение после проверок спецорганами.

Во-вторых, тяготы послевоенного времени носили всеобщий характер. Они касались не только жителей территорий, бывших под оккупацией или на линии боев, но и населения территорий, не затронутых военными действиями, не говоря уже о тех, кто был на спецпоселении, в трудармии, а тем более в лагерях. Все это не ослабило, а только усиливало среди жителей страны ожидание улучшений жизни, в т.ч. и послабления репрессий, включая возможное возвращение из ссылки. Как пишет Е.Ю. Зубкова, «это ожидание было буквально разлито в обществе: победа породила иллюзии, что жизнь в стране будет меняться к лучшему, и эти надежды часто связывали с возможностью либерализации»⁸¹.

В ответ последовала некая новая идеология, рождение которой наметилось еще во время войны. Речь идет о концепте советского народа и советского патриотизма, который был своего рода заменой некоему общему слову-символу, которым можно было бы обозначать население государства. Выполнивший обстоятельное историографическое исследование советской полиэтничности ека-

теринбургский историк Н.Н. Константинов отметил, что стремление утвердить объединяющий разнородное население СССР «имя–символ» относится еще к 1920–1930-м гг.⁸² Именно тогда идею «советской нации» сформулировал историк Н.И. Устрялов, считавший ее аналогичной «евразийской нации» Н.С. Трубецкого, также использовавшего термин «советская нация»⁸³. Однако до войны такого объединяющего термина не было создано, хотя выражение «советский народ» уже существовало.

В годы войны потребность общегражданской (внеклассовой и внеэтнической) мобилизации стала намного актуальней, и на совещании историков в ЦК КПСС летом 1944 г., когда обсуждалась изданная под редакцией академика А.М. Панкратовой «История Казахской ССР», прозвучало мнение, что не всякое национально-освободительное движение на периферии Российской империи было прогрессивным и что присоединение к хотя и слаборазвитой России было меньшим злом, чем подчинение другим капиталистическим и феодальным государствам. Участниками обсуждения было сформулировано любопытное, хотя стилистически неуклюжее обобщение (слова участника обсуждения Х.Г. Аджемяна): «Октябрь в самом деле не был выражением воли одного лишь рабочего класса, который был лишь его авангардом, а воли общенациональных интересов обновляющейся России – СССР... На костре классовой борьбы приносятся жертвы-гекатомбы наших общенациональных народных интересов советского народа»⁸⁴. В этих, не всеми принятых словах на самом деле прозвучала идея «общенациональных интересов советского народа», т.е. советский народ понимался как аналог другим нациям мира.

Известный историк М.В. Нечкина в своем выступлении подняла вопрос об интеграционных процессах в советском народе в еще более «инновационном» плане, предложив считать советский народ некой общностью более высокого уровня, чем нация. Н.Н. Константинов приводит по стенограмме совещания историков следующее интересное высказывание Нечкиной: «Мы совсем не занимаемся одной очень важной темой, еще не поставленной в науке проблемой – проблемой формирования советского народа. Я думаю, что это вопрос как задача научного исследования и теоретического освещения должен обязательно встать в порядок дня. Формирование советского народа прошло большого значения этапы в Отечественной войне. Советский народ – это не нация, а какая-то более высокая, принципиально новая, недавно возникшая в истории прочнейшая общность людей. Она объединена единством территории, принципиально новой хозяйственной системой, советским строем, какой-то единой новой культурой, несмотря на множественность языков. Однако это не нация, а нечто более высокое. Это совершенно новое явление в истории человечества. Оно должно иметь свою теорию»⁸⁵.

Это высказывание чрезвычайно интересно, ибо мы имеем дело с первым известным рассуждением о советском народе как некоей целостности нового типа. Через пару десятилетий высказывание облачится в теоретическую формулу «нового типа исторической общности людей». Но то, что оно впервые прозвучало в годы войны на совещании историков в ЦК КПСС и в выступлении известного историка, это настоящее открытие! Более чем вероятно, что после этого совещания (известно, что Сталин и Жданов консультировались с участниками совещания) через несколько месяцев в свой доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся 6 ноября 1944 г. Сталин включил раздел «Великий подвиг советского народа в Отечественной войне». Именно в этой речи он изложил содержание советского патриотизма, который имеет в своей основе преданность и верность народа своей Родине, братское содружество всех наций нашей страны и т. д. Как заключает Н.Н. Константинов, «идея советского патриотизма оказалась компромиссной между различными позициями в вопросах описания советской общности в той мере, в какой она выступала аналогичной обществам других государств»⁸⁶. Компромисс выражался в том, что эта идея могла выступать в качестве символа, с которым мог отождествлять себя любой житель страны, а само выражение было привычным продолжением советской риторики любви к отечеству. Наконец, советский патриотизм не отменял формулу «дружбы народов» и включал в себя признание этнического многообразия СССР, т.е. «социалистических наций».

Одновременно с новым концептом привносились в общественный дискурс неоимперские ценности, идеи великодержавия. Вместе с погонами и суворовскими, нахимовскими училищами (по подобию кадетских корпусов) наука и культура стали прославлять имена полководцев и правителей страны, включая «строгих, но справедливых» Ивана Грозного и Петра I. При этом идеология советского патриотизма, несмотря на попытку Сталина разыграть «русскую карту» своим тостом на приеме в Кремле, имела не этнический, а государственно-патерналистский характер. Она имела целью не столько борьбу против национализма внутри страны, сколько противодействие западному влиянию. Неслучайно, в стране вскоре началась кампания против «пресмыкательства перед заграницей», против низкопоклонства и раболепия перед иностранщиной и западной буржуазной культурой. Но скоро логика ужесточения политического режима распространилась и на «буржуазных космополитов» и «местных националистов». Партийные чистки и репрессии особо затронули такие республики, как Грузия и Эстония. Националисты стали чем-то наподобие троцкистов – главными врагами партии и народа. Не ограничиваясь отдельными регионами, Сталин и его окружение затеяли грандиозное дело про-

тив советского еврейства, которое тянулось с 1948 по 1952 г. и закончилось расстрелами и тюремными заключениями 110 чел., включая убийство в 1948 г. председателя Еврейского антифашистского комитета С.М. Михоэлса. Осуществлению следующей провокации против советских евреев в форме т.н. «дела врачей» помешала смерть Сталина.

В условиях массовой истерии и антисемитизма в стране одновременно развернулась идеологическая кампания по утверждению среди граждан советского патриотизма. Партийные идеологи, а также часть ученых-обществоведов стали активно разрабатывать тему патриотизма. В это дело включились ведущие историки страны. Академик Е.В. Тарле написал биографию Наполеона, в которой показал величие Бородинской битвы и русского оружия, кстати, не отступив от высоких научных стандартов. Неслучайно, книга Тарле была переведена на десятки языков и пользуется спросом до сих пор. А.М. Панкратова опубликовала историческую работу на тему патриотизма⁸⁷, и за ней последовали многие другие. В тогдашней идеологии патриотизма были заложены некоторые компоненты национальной идентичности советских людей, которые служили делу гражданской солидарности почти полвека вплоть до распада СССР, а некоторые сохранились и до сих пор в формате общероссийского патриотизма.

Это прежде всего идентификация граждан СССР как советских людей, т.е. членов одной единой общности: «К какой бы национальности не принадлежал гражданин СССР, он прежде всего – советский человек, сын социалистического отечества, творец новой, социалистической жизни»⁸⁸. Это – возвеличивание победы в Великой Отечественной войне как подтверждения верного курса партии во главе со Сталиным. Только со временем, уже в конце 1960-х гг. героический миф о Великой Победе станет олицетворять подвиг народа и его способность защищать Родину от внешних врагов. Это – восприятие пространства страны как великой ценности и гордости: СССР представлялся советским людям как «одна шестая мира» «от Балтики до Курильских островов, от северных льдов до песков Средней Азии»⁸⁹. Как отметил Н.Н. Константинов, «в общем идея советского патриотизма была прагматичной... В ней содержался символ для обозначения тождественности гражданина СССР со своей страной, но окончательного шага на пути к формулированию идеи 'советской нации' сделано не было. В тех случаях, когда было необходимо рассматривать население СССР как политическое целое, использовалось выражение 'советский народ'. В то же время по своей структуре идея советского патриотизма соответствовала критериям национальной лояльности»⁹⁰. Более того, именно в этот достаточно «глухой период» с точки зрения развития общественной мысли и состояния массового сознания мы обнаруживаем, что *идея советского патриотизма дополняется идеей «совет-*

ской национальной гордости», которая не подменяла «национальную гордость» каждого из советских народов, а была общей для всех жителей СССР.

Приведем примечательную цитату из установочной книги о советском патриотизме, в которой речь идет о «советском как национальном»: «Источник советской национальной гордости – в глубоком понимании советскими людьми превосходства социалистического общественного строя над буржуазным строем, нашей плановой экономики – над капиталистической экономикой, советской культуры – над буржуазной культурой, морали социалистического общества – над звериной моралью капитализма, превосходство советского человека – над любым, даже самым высокопоставленным чинушей в капиталистических странах. Это не обычная национальная гордость, которая свойственна всем народам и которая была присуща и нашему народу до Октябрьской социалистической революции. Советская национальная гордость – это гордость высшего порядка»⁹¹.

Быстрое восстановление разрушенной войной страны и заметное улучшение жизни советских людей, включая и население союзных республик, конец тоталитаризма в его наиболее открытой форме создали в СССР ситуацию, которая требовала сплочения народа уже не «вокруг вождя», а вокруг нового интеграционного концепта для разнородного населения. В 1961 г. на XXII съезде КПСС была изложена идея формирования «советского народа», которая через несколько лет обрела более «изящное», но научно несостоятельное добавление «как нового типа исторической общности людей». Нужно сказать, что расшифровать тогдашние интеллектуальные поиски советских политиков-теоретиков не очень просто, но ясно, что сталинское определение нации довлело над мышлением при самоописании «кто есть мы». Пропаганда и даже статистика утверждали, что в СССР произошла социальная интеграция пространства и сложилась единая хозяйственно-экономическая система, но оставались различия в языке и в культурных традициях разных групп населения. Из этих и других рассуждений кремлевских вождей и идеологов мы видим, что для советского понимания нации, которое частично сохраняется и поныне, было трудно воспринять идею сложного и соподчиненного существования данного феномена, а точнее – обозначения двух разных сообществ (точнее – форм самосознания/идентичности) одним словом и вытекающим из этого «комбинированным национализмом» (выражение Н.С. Трубецкого). Эта ситуация методологического тупика в использовании категории *национального* сохранилась на протяжении позднесоветского времени, а нынешние дебаты политиков и экспертов о содержании концепта *российского народа* в чем-то напоминают трудно рассуждающих обитателей кремлевских кабинетов полувековой давности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Поляков Ю.А. Истоки народного подвига // Мир глазами историка: памяти академика Юрия Александровича Полякова / Сост. В.Б. Жиромская; отв. ред. В.А. Тишков, Ю.А. Петров. М., 2014. С. 58–59.
- ² К нашей теме прежде всего относится 10-й том: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. М., 2014.
- ³ См., напр.: Пушкарев Л.Н. По дорогам войны. Воспоминания фольклориста-фронтовика. М., 1995.
- ⁴ См.: Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011; Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX – середина XX в. / Отв. ред. Н.В. Михайлов, Я. Плампер. М., 2014.
- ⁵ Об этом см. также: Аманжолова Д.А. Патриотический подъем народов в борьбе с фашизмом в 1941–1945 гг.: Общее и особенное // Патриотизм – составляющая государственной национальной политики России: теория, практика / Сост. Н.Ф. Бугай. М., 2010; Бугай Н.Ф., Зубкова Е.Ю. Этнополитика в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1941–1960-е годы) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции Российского государства / Отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. М., 2012.
- ⁶ О теории нации и идентичности см.: Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013.
- ⁷ См. мой рассуждения в книге «Российский народ...», а также книги, изданные к 200-летию Отечественной войны 1812 года и 1150-летию российской государственности в рамках целевого конкурса РГНФ, особенно книги: Война 812 года и концепт «отечество». Из истории осмысления государственной и национальной идентичности в России: исследование и материалы / Под ред. М.В. Строганова. Тверь, 2012; Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 года / Под ред. А.В. Буганова. М., 2013. Одними из первых этнологов эту тему в аспекте русского этнического самосознания начали разрабатывать М.М. Громько и ее ученики. См., напр.: Громько М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2007.
- ⁸ О рождении «дружбы народов» как концепта см.: Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011, а также работы Т.Ю. Красовицкой и Д.А. Аманжоловой.
- ⁹ По антропологии советскости имеется солидная литература. См., напр., историографический обзор: Кит Дж., Литвин А. Эпоха Сталина в России. Современная историография. М., 2009. Среди работ отечественных и зарубежных авторов отметим: Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М., 2010; Орлов И.Б., Юрчикова Е.В. Массовый туризм в сталинской повседневности. М., 2010; Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / Под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина. М., 2011; Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России в XX веке. М., 2011 и др. книги в серии издательства РОССПЭН «История сталинизма».
- ¹⁰ Мельников С.А., Дьяков Ю.Л., Колодникова Л.П., Зима В.Ф., Бушueva Т.С. Советское общество. 1920–1941 гг. Цивилизационный феномен: Исследования. Документы. М., 2014. С. 273.
- ¹¹ Поляков Ю.А. Истоки народного подвига. С. 60–61.
- ¹² Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1988. С. 288–289.
- ¹³ См. многочисленные документы: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945 / Сост. Л.С. Гатагова и др. М., 2009.
- ¹⁴ Thurston R.W. Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941. New Haven, 1996. P. XX.
- ¹⁵ Ibid. P. 198.

- ¹⁶ Образ Другого – страны Балтии и Советский Союз перед Второй мировой войной / Сост. Р. Крумм, Н.А. Ломакин, Д. Ханов / Пер. с лит. и эст. М., 2012. С. 13.
- ¹⁷ См.: Источники победы советского народа в Великой Отечественной войне. 1941–1945. М., 1985; Война и общество. 1941–1945. Кн. 2 / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2004; Народ в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Под ред. А.Н. Сахарова. М., 2010. См. также портал Министерства обороны России: «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».
- ¹⁸ Аманжолова Д.А. Форматирование советскости: Национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР. 1920–1930-е гг. М., 2010.
- ¹⁹ См., напр.: Гилязов И. Национал-социалисты и тюркские народы СССР: развитие представлений и планов (конец 30-х – начало 40-х годов) // Панорама форум. 1997. № 16.
- ²⁰ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 299.
- ²¹ См.: Деннигхауз В. В тени «большого брата». Западные национальные меньшинства в СССР. 1917–1938 гг. М., 2011. Об одной из самых масштабных операций «большого террора» – «кулацкой операции» в Украинской ССР см. документальную публикацию: «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция в Украинской ССР 1937–1941 гг.: В 2 т. / Под ред. О.А. Довбни и Л.С. Макаровой. М., 2010.
- ²² Голдман В.З. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий / Пер с англ. М., 2010.
- ²³ См.: Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М., 1983.
- ²⁴ Хисамутдинова Р.Р. Вклад Урала в победу над фашистской Германией // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны. Национальная и этноконфессиональная политика. Оренбург, 2010. С. 3–12.
- ²⁵ Поляков Ю.А. Минувшее. Фрагменты: (Воспоминания историка). Кн. 1. М., 2010. С. 190–191.
- ²⁶ См.: Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1953.
- ²⁷ Бранденбергер Д.Л. «Выдвинуть на первый план мотив русского национализма»: Споры в сталинских идеологических кругах, 1941–1945 гг. // Государство наций... С. 336–365.
- ²⁸ Поляков Ю.А. Минувшее. С. 196–199.
- ²⁹ Деннигхауз В. В тени «большого брата»... С. 587–628.
- ³⁰ Мельников С.А. и др. Указ. соч. С. 35.
- ³¹ Шварц Я.Т. Эвакуация – важнейшая народнохозяйственная и военная проблема // Героическое и трагическое лихолетье. Смоленск, 2000. С. 318.
- ³² Губогло М.Н. Сполохи прошлого. Автобиографические затеси. Т. 1. Кишинев, 2008.
- ³³ Советская национальная политика: идеология и практика. 1945–1953 / Сост. Л.П. Копелева, О.В. Хлевнюк и др. М., 2013. С. 6–7.
- ³⁴ Среди многочисленной литературы по этой теме отметим книги Н.Ф. Бугая, а также том документов в публикации: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х гг.: Собрание документов в 7 т. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР / Сост. Т.В. Царевская. М., 2004.
- ³⁵ См., напр.: Чеченцы в истории, культуре, науке и политике России / Под ред. Х.В. Туркаева. М., 2012.
- ³⁶ Григорьев В.В., Берибулов С.В. Вклад Республики Беларусь в общую победу // Героическое и трагическое лихолетье. С. 35; Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М., 1984. С. 390–391.
- ³⁷ Кучер В. Партизаны Брянского леса: какими они были. 1941–1943 гг. М., 2014.
- ³⁸ Там же. С. 11.
- ³⁹ Там же. С. 636.
- ⁴⁰ Там же. С. 751.
- ⁴¹ Кирсанов Н.А., Дробязко С.И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6. С. 60–75.
- ⁴² Цит. по: Мельников С.А., Колодникова Л.П., Бушуева Т. С. Историческая преемственность традиций российской цивилизации. Знаменательные даты. Исследования и новые документы. М., 2013. С. 67.
- ⁴³ Там же. С. 58–61.
- ⁴⁴ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 665.
- ⁴⁵ Там же. С. 670.
- ⁴⁶ Там же. С. 675.

- ⁴⁷ Там же. С. 677.
- ⁴⁸ Там же. С. 706–707.
- ⁴⁹ Частичная публикация Фонда Комиссии по истории Великой Отечественной войны из Архива ИРИ РАН в книге: У всякого народа есть Родина, но только у нас – Россия: Проблема единения народов России в экстремальные периоды истории как цивилизационный феномен российской государственности. Исследования и документы / Редколлегия: В.А. Тишков и др. М., 2012.
- ⁵⁰ Там же. С. 271–297.
- ⁵¹ Там же. С. 306–307.
- ⁵² Родимцев А.И. «Гвардейцы стояли на смерть». М., 1969. С. 84.
- ⁵³ «Полководцы Сталинградской битвы» / Авторы-сост. научные сотрудники Государственного музея-панорамы «Сталинградская битва». Волгоград, 2007. С. 559; Родимцев А.И. На берегах Мансанареса и Волги. Петрозаводск, 1966. С. 216.
- ⁵⁴ Горохов С.Н. Народы Севера на фронтах Великой Отечественной войны // Героическое и трагическое лихолетье. С. 149–151.
- ⁵⁵ Бутаев М.Д. Об открытых письмах-газетах «Дагестан – своим фронтовикам» // Там же. С. 119–122, 214.
- ⁵⁶ Мингазутдинов А.Ф. Боевое содружество воинов – представителей народов СССР в боях за освобождение Украины (1943–1944 гг.) // Героическое и трагическое лихолетье. С. 212–214; Поночевный М.И. Украина в планах фашистского рейха: история, реальность, факты и современность (1939–1945) // Там же. С. 236.
- ⁵⁷ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945 / Сост. Л.С. Гагагова и др. М., 2009. С. 1006–1008.
- ⁵⁸ См.: Ибрагимов М.М. Власть и общество в годы Великой Отечественной войны. М., 1998; он же. Народы Северного Кавказа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1997; Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России / Отв. ред. Х.В. Туркаев. М., 2008.
- ⁵⁹ См.: Филькин В.И. Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Грозный, 1960. С. 43; Гакаев Х.А. Чеченцы в боях против немецко-фашистских захватчиков // Чеченцы. История и современность. М., 1996. С. 235.
- ⁶⁰ Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России. С. 412–438.
- ⁶¹ Аккиева С.И., Сабанчиев Х.-М. А. Балкарский народ в годы войны и депортации (1941–1957 гг.). Нальчик, 2014.
- ⁶² Историографический обзор литературы по этой теме см.: Кропачев С.А., Кринко Е.Ф. Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы // Отечественная историография. М., 2012. С. 81–219.
- ⁶³ Там же. С. 218.
- ⁶⁴ Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 года / Под ред. А.В. Буганова. М., 2013.
- ⁶⁵ Майер С.М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941–1945 / Пер. с англ. М., 2010. С. 9.
- ⁶⁶ См.: Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Большие кремлевские приемы 1930–1940-х гг. М., 2011. С. 335–380.
- ⁶⁷ Советская национальная политика. С. 7–8.
- ⁶⁸ Поляков Ю.А. Истоки народного подвига. С. 68.
- ⁶⁹ Там же. С. 66.
- ⁷⁰ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. М., 2014. С. 637.
- ⁷¹ Сталин И.В. Указ. соч. С. 46.
- ⁷² Поляков Ю.А. Истоки народного подвига. С. 67.
- ⁷³ Правда. 15 апр. 1945 г.
- ⁷⁴ Поляков Ю.А. Истоки народного подвига. С. 68.
- ⁷⁵ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 196–197.
- ⁷⁶ Потери населения СССР. С. 229.
- ⁷⁷ Поляков Л.Е. Цена войны. Демографический аспект. М., 1985. С. 87.
- ⁷⁸ Кваша А. Цена побед // СССР: демографический диагноз. М., 1990. С. 245–249; Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. М., 1990. Кн. 1. Ч. 1. С. 26–27.
- ⁷⁹ Население России в XX веке: Исторические очерки: В 3 т. Т. 2. 1940–1959. М., 2001. С. 131–132. См. также: Рыбаковский Л. Великая Отечественная: людские потери России // Социологические исследования. 2001. № 6.
- ⁸⁰ Война и общество. 1941–1945. Кн. 2. С. 386–389.
- ⁸¹ Этнический и религиозный фактор в формировании и эволюции российского государства. С. 289.
- ⁸² Константинов Н.Н. Советский Союз 1944–1991 годов в историографии. Репрезентация политического сообщества. Екатеринбург, 2012. С. 110.
- ⁸³ Там же. См. также: Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 2000. С. 493–505.

⁸⁴ *Юрганов А.Л.* Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С. 292–293.

⁸⁵ Цит. по: *Константинов Н.Н.* Указ. соч. С. 113.

⁸⁶ Там же. С. 114.

⁸⁷ *Панкратова А.М.* Великое прошлое советского народа. М., 1949.

⁸⁸ О советском патриотизме. М., 1950. С. 308.

⁸⁹ Там же. С. 309.

⁹⁰ *Константинов Н.Н.* Указ. соч. С. 114–115.

⁹¹ О советском патриотизме. С. 416.

ПЕРЕЧЕНЬ РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В СЕРИИ

«ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ»

1990 г.

- №1 *Арутюнов С.А., Анчабадзе Ю.Д.* О национальной ситуации на Северном Кавказе.
 №2 *Брук С.И.* Немцы в СССР: современная ситуация.
 №3 *Калиновская К.П., Марков Г.Е.* Национальная и межэтническая ситуация в области расселения ногайцев.
 №4 *Соколова З.П.* Актуальные вопросы современного развития экономики и культуры хантов.
 №5 *Арутюнов С.А., Смирнова Я.С., Сергеева Г.А.* Этнокультурная ситуация в Карачаево-Черкесской автономной области.
 №6 *Тер-Саркисянц А.Е.* Донские армяне и этнокультурная ситуация в Ростовской области.
 №7 *Васильев В.И.* Проблемы национального развития малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области.
 №8 *Иванова Ю.В.* Греческое население Грузии: современные межэтнические отношения.
 №9 *Бушков В.И.* О некоторых аспектах межнациональных отношений в Таджикской ССР.
 №10 *Брусина О.И.* О некоторых причинах межэтнического конфликта в Ошской области.

1991 г.

Серия А:

- №11 *Сагаева С.К.* Состояние и перспективы развития межэтнических отношений в г. Уральске Казахской ССР.
 №12 *Тишков В.А.* Этничность и власть в СССР (этнополитический анализ республиканских органов власти).
 №13 *Иванова Ю.И.* Этносоциальные проблемы греческого населения Грузии.
 №14 *Кульчик Ю.Г., Румянцев С.И.* О развитии общественно-политической ситуации в ССР Молдова.
 №15 *Брук С.И.* Народы СССР в стране и за рубежом.
 №16 *Гурвич И.С., Батянова Е.П.* Современное развитие межнациональных отношений в Чукотском автономном округе.
 №17 *Осипов А.Г.* Межнациональные отношения в Краснодарском крае (в связи с проблемой беженцев).
 №18 *Жорницкая М.Я.* Национальная ситуация в Тувинской АССР и Хакасской АО (май–июнь 1990 г.).
 №19 *Остроух И.Г., Шервуд Е.А.* Меннониты Оренбургской области.

- №20 *Брусина О.И., Осипов А.Г.* К вопросу о состоянии межэтнических отношений в Узбекской ССР.
 №21 *Григорьева Р.А.* Некоторые особенности этнокультурных процессов в Восточной Латвии (Латгале).
 №22 *Емельянов В.М.* Основные этапы этнополитической эволюции польской национальной группы в Литве в 1990 г.
 №23 *Кузнецов А.И., Миссонова Л.И.* Ороки Сахалина: проблемы современного развития.
 №24 *Абашин С.Н., Бушков В.И.* Социальная напряженность и межнациональные конфликты в северных районах Таджикистана.
 №25 *Молчанов М.А.* Этнополитические предпосылки объявления независимости Украины.

Серия Б:

- №1 *Кашуба М.С., Мартынова М.Ю.* Государственная политика и современные национальные отношения в Югославии.
 №2 *Крюков М.В.* Политика национальной автономии в Китае.
 №3 *Стельмах В.Г.* Самоуправление индейских резерваций в США.
 №4 *Кожановский А.Н.* Испания: этничность и регионализм.

1992 г.

Серия А:

- №26 *Бушков В.И., Микульский Д.В.* Общественно-политическая ситуация в Таджикистане: январь 1992 г.
 №27 *Шинкевич С., Заринов И.Ю.* Поляки Российской империи и СССР: историческая справка и характеристика современной ситуации.
 №28 *Сагаева С.К.* Российское казачество.
 №29 *Островидова Е.Ю.* Трансформация СССР: Предпосылки и перспективы суверенизации бывших союзных республик.
 №30 *Тер-Саркисянц А.Е.* Современная этнополитическая ситуация в Краснодарском крае Российской Федерации.
 №31 *Сатвалдыев А.Н.* К характеристике религиозной ситуации в Шахимардане (Узбекистан).
 №32 *Губоголо М.Н.* Изменение этнодемографической ситуации в столицах союзных республик в 1959–1989 гг. (по материалам переписей населения СССР).
 №33 *Губоголо М.Н.* Развитие этнодемографической ситуации в столицах автономных республик в 1959–1989 гг. (по материалам переписей населения СССР).

- №34 *Гузенкова Т.С.* Межэтническая ситуация в Калмыкии.

Серия Б:

- №5 *Праззаускас А.А.* Индия: национальная политика и федерализм.
 №6 *Соколова И.В.* Политика официального индеедизма в Мексике (идеология и практика).

1993 г.

- №35 *Кузнецов А.И., Миссонова Л.И.* Этносоциальное положение эвенов в Эвено-Бытантайском национальном районе Якутии.
 №36 *Малькова В.К.* Проблемы русской диаспоры в ближнем российском зарубежье (по материалам прессы).
 №37 *Москаленко Н.П.* Этнополитическая ситуация в республике Тува (1992 г.).
 №38 *Бутанов В.Я.* Этнополитические и этнокультурные процессы в республике Хакасия.
 №39 *Батянова Е.П.* К этнополитической ситуации в Кемеровской области.
 №40 *Бушков В.И., Микульский Д.В.* Таджикистан: Что происходит в республике?
 №41 *Малькова В.К.* Пресса о современной этнической ситуации в Татарстане.
 №42 *Буяхаев С.С.* Этнополитическая и этнокультурная ситуация в республике Бурятия.
 №43 *Шнирельман В.А.* Бикинские удэгейцы: политика и экология.
 №44 *Ногайцы сегодня. [Калиновская К.П., Марков Г.Е.]* Поиски решения проблем в Ногайской степи. *Викторин В.М.* Астраханские ногайцы.
 №45 *Бабич И.Л.* Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии.
 №46 *Кьдыева В.Я.* К этнополитической и этнокультурной ситуации в Республике Алтай.
 №47 *Пчелинцева Н.Д., Самарина Л.В.* Современная этнополитическая и этнокультурная ситуация в Республике Адыгея.
 №48 *Смирнова Я.С.* Карачаево-Черкесия: этнополитическая и этнокультурная ситуация.
 №49 Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе.
 №50 Современная общественно-политическая ситуация в Средней Азии и Казахстане.
 №51 *Тишков В.А.* Русские в Средней Азии и Казахстане.
 №52 *Тишков В.А.* Русские как меньшинства (пример Эстонии).
 №53 *Лопуленко Н.А.* Правовой статус и самоуправление у аборигенов Аляски.

№54 *Васильев В.И., Малиновская С.М.* Концепция национально-политического, экономического и культурного развития малочисленных народов Севера Томской области.

1994 г.

- №55 *Тер-Саркисянц А.Е.* Межнациональные отношения в Краснодарском крае (1993 г.) (основные тенденции развития).
- №56 *Жуковская Н.Л.* Республика Бурятия: этнорелигиозная ситуация (1991–1993 гг.).
- №57 *Червоная С.М.* Крымско-татарское национальное движение (1991–1993 гг.).
- №58 *Таболкина Т.В.* Панорама современного казачества: Истоки, контуры, типологизация.
- №59 *Филипов В.Р.* Этнополитическая ситуация в Чувашии (1988–1993 гг.).
- №60 *Григорьева Р.А., Мартынова М.Ю.* Этнокультурная ситуация в Беларуси: история, языки, политика.
- №61 *Иванов А.М.* Этнополитическая ситуация в Республике Саха (Якутия).
- №62 *Столярова Г.Р.* Этнополитическая ситуация в Республике Татарстан.
- №63 *Шаров В.Д.* Этнополитическая ситуация в Республике Марий Эл.
- №64 *Бирин В.Н.* Этнополитическая ситуация в Карелии накануне выборов в Федеральное собрание.
- №65 *Гучинова Э.-Б.М., Таванец С.Д.* Этнополитическая ситуация в Калмынии.
- №66 *Восходов И.И., Комарова Г.А.* Предвыборная ситуация в Чувашской Республике (осень–зима 1993 г.).
- №67 *Шабеев Ю.П., Рогачев М.Б., Котов О.В.* Этнополитическая ситуация на территории проживания народов Коми.
- №68 *Акжиева С.И.* Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарской республике.
- №69 *Абаева Л.П., Крынев Б.П.* Социально-политологический анализ выборов в Республике Бурятия (сентябрь, 1994 г.).
- №70 *Хаджибиев Р., Полякова Т.* Этнополитическая ситуация в Адыгее.
- №71 *Зьков Ф.М.* Этнополитическая ситуация в Республике Саха до и после выборов 12 декабря 1993 г.
- №72 *Кисриев Э.Ф.* Этнополитическая ситуация в Республике Дагестан.
- №73 *Куликов К.И., Христоробова Л.С.* Этнополитическая ситуация в Удмуртской республике в 1993 г.
- №74 *Кужугет А., Татаринцева М.* Этнополитическая ситуация в Республике Тыва накануне и после выборов в Федеральное собрание России в 1993 г.
- №75 *Зубков А.А., Маресьев В.В.* Демографические процессы, этническая и социально-политическая структура Мордовии.
- №76 *Гостиева Л.К., Дзадзиев А.Б.* Этнополитическая ситуация в Северной Осетии.
- №77 *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитиче-

ского развития. Очерк I. Плоды суверенизации.

- №78 *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк II. Ростки демократизации.
- №79 *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк III. Урожай дезинтеграции.
- №80 *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк IV. Выходы реинтеграции.

1995 г.

- №81 *Дубова Н.А., Комарова О.Д., Ямсков А.Н.* Факторы формирования межэтнических отношений в среде сельского населения южных районов Пермской области.
- №82 *Иванова Ю.В.* Проблемы межэтнических взаимоотношений в Северном Приазовье и Крыму: история и современное состояние.
- №83 *Ильин В.И.* Республика Коми: этнос и политика.
- №84 *Мартынова М.Ю.* Война на Балканах: истоки и реалии (1991–1994 гг.).
- №85 *Здравомыслов А.Г., Матвеева С.Я.* Межнациональные конфликты в России и постсоветском пространстве.
- №86 *Рубан Л.С.* Развитие конфликтной ситуации в Астраханской области.
- №87 *Дубова Н.А., Лопуленко Н.А.* Современные этносоциальные проблемы Кизеловского района Пермской области.
- №88 *Смольникова Н.В.* Немцы Поволжья: современные этнополитические проблемы.
- №89 *Пчелинцева Н.Д., Самарина Л.В.* Карачай в контексте новой исторической реальности.
- №90 *Кульчик Ю.Г.* Республика Узбекистан в середине 90-х годов.
- №91 *Мартынова М.Ю.* Национальные меньшинства в странах Восточной Европы в 90-е годы. Поиск мирных решений.

1996 г.

- №92 *Исхакова С.М., Валеев Ф.-Т.А.* Сибирские татары: этнокультурные и политические проблемы возрождения.
- №93 *Михайлов С.С.* Положение ассирийцев – вынужденных переселенцев в Краснодарском крае.
- №94 Этнический фактор в современном социально-политическом развитии Казахстана. / *Брусина О.И.* Национальная государственность и «русский вопрос» в Казахстане; *Митина Д.А.* Миграционные процессы и тенденции этносоциального развития в Казахстане!.
- №95 *Малькова В.К.* Русское население в российских республиках.
- №96 *Ямсков А.Н.* Территории традиционного землепользования в Хабаровском крае.

№97 *Лопуленко Н.А.* Американский опыт урегулирования проблем коренного населения.

- №98 *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Русские в Молдавии: проблемы занятости и миграции.
- №99 *Казан, Микаэлла.* Еврейская эмиграция из бывшего СССР в США.
- №100 *Тишков В.А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России.

1997 г.

- №101 *Червоная С.М.* Крымско-татарское национальное движение (1994–1996).
- №102 *Дерябин В.С.* Коми-пермяки сегодня: особенности этнокультурного развития.
- №103 *Малькова В.К.* Республиканская пресса России – новая этнонациональная идеология.
- №104 *Жуковская Н.Л.* Возрождение буддизма в Бурятии: проблемы и перспективы.
- №105 *Аринин А.Н.* Российская государственность и проблемы федерализма.
- №106 *Шабеев Ю.П., Пешкова В.М.* Русские в республике Коми.
- №107 *Ямсков А.Н.* Русское население в полиэтничных районах Закавказья, Сибири и Урала.
- №108 *Поляков С.П., Бушков В.И.* Социально-экономическая ситуация в северокавказском регионе.
- №109 *Таболкина Т.В.* Казачество на рубеже XXI века: проблемы и возможности.
- №110 *Юраш А.В.* Религиозные организации современной Украины.

1998 г.

- №111 *Малькова В.К., Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? II. (По данным опроса московских школьников).
- №112 *Симченко Ю.Б.* Народы Севера России. Проблемы. Прогноз. Рекомендации.
- №113 *Червоная С.М.* Крым-97: Курултай против раскола.
- №114 *Шнирельман В.А.* Неоязычество и национализм. Восточно-Европейский ареал.
- №115 *Малькова В.К.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? II. Анализ московской прессы.
- №116 *Сирина А.* Современные проблемы малых народов Севера Магаданской области.
- №117 *Смольникова Н.В.* Немцы Волгоградской области: этнокультурная и этнополитическая ситуация в 1995–1997 гг.
- №118 *Балалаева О., Угет Э.* Биосферный резерват как форма сохранения этнической культуры (на примере юганских хантов).
- №119 *Дубова Н.А., Лопуленко Н.А., Мартынова М.Ю.* Калининградская область: современные этнокультурные процессы.

№120 *Абашин С.Н., Бушков В.И.* Таджикистан: некоторые последствия трагических лет.

1999 г.

- №121 *Рыжакова С.И.* Dievturība. Латышское неоязычество и истоки национализма.
- №122 *Комарова Г.А.* Люди и радиация: этнокультурные аспекты экологического бедствия на Южном Урале.
- №123 *Шнирельман В.А.* Формирование этничности: тлингиты юго-восточной Аляски в конце XX в.
- №124 *Кашуба М.С.* Рост национализма в условиях конфликта (пример автономного края Косова и Метохии – Союзная Республика Югославия).
- №125 *Козлов С.Я.* Евреи Москвы в 90-е годы XX века: Действительно ли происходит религиозный ренессанс?
- №126 *Сирина А.А.* Родовые общины малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия): шаг к самоопределению?
- №127 *Акаев В.Х.* Суфизм и вахабизм на Северном Кавказе.
- №128 *Иванова Ю.В.* Косовский кризис. Этнические аспекты проблемы.
- №129 *Червоная С.М.* Карачаево-Черкесия – 1999. Выборы главы республики.
- №130 *Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Современное природопользование таежного населения Нижнего Приобья.

2000 г.

- №131 *Бабич И.Л.* Правовой плюрализм на Северо-Западном Кавказе.
- №132 Перепись – 2002: проблемы и суждения.
- №133 *Бабич И.Л.* Правовой монизм в Северной Осетии: история и современность.
- №134 *Ярлыкапов А.А.* Проблема вахабизма на Северном Кавказе.
- №135 *Зарубекова Г.В.* Сепаратизм в Чечне.
- №136 *Рыжакова С.И.* Ромува. Этническая религиозность в Литве.
- №137 *Козлов С.Я.* Иудаизм в современной России: Основные структуры и направления.
- №138 Города Подмосквья: Этнодемографические и гендерные проблемы.

2001 г.

- №139 *Зенько М.А.* Современный Ямал: этноэкологические и этносоциальные проблемы.
- №140 *Воробьев Д.В.* Жизнеобеспечение и адаптивная стратегия эвенков в конце XX века (север Туруханского района Красноярского края).
- №141 *Клюков К.Б., Красовская Т.М., Ямсков А.Н.* Проблемы перехода к устойчивому развитию районов расселения коренных народов российской Арктики.
- №142 *Малькова В.К.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? III. Русские москвичи и инородные мигранты: Взгляд друг на друга.

- №143 *Рыжакова С.И.* Ливы: Опыт возрождения почти исчезнувшего народа.
- №144 *Матвеев В.А.* «Украина от Карпат до Кавказских гор!»...? Полемические заметки по поводу одного из современных геополитических проектов.
- №145 *Степанов В.В.* Российская перепись 2002 года: пути измерения идентичности больших и малых групп.

2002 г.

- №146 *Матвеев В.А.* Сепаратизм на Северном Кавказе: Границы явления на рубеже XIX–XX веков.
- №147 *Матвеев В.А.* Исторический опыт противостояния сепаратизму на Северном Кавказе и современность.
- №148 *Ситнянский Г.Ю.* Тринадцатый миф о Центральной Азии.
- №149 *Силантьев Р.А.* Этнический аспект раскола исламского сообщества России.
- №150 *Губоугол М.Н.* Мобильность и мобилизация.
- №151 *Смирнова С.К.* Права народов в мультиэтничном государстве: Путь России.
- №152 *Сирина А.А.* Народы Севера Иркутской области.
- №153 *Юраков А.В.* Ресурсы межэтнической толерантности в Башкортостане.
- №154 *Смирнова С.К.* Современные социально-экономические процессы в Удмуртии.
- №155 *Осипов А.Г.* Идеология «миграционной политики» как элемент конструирования этнической конфликтности (на примере Краснодарского и Ставропольского краев).
- №156 *Смирнова С.К.* Современные этносоциальные процессы в Удмуртии.
- №157 *Смирнова С.К.* Современные этнополитические процессы в Удмуртии.
- №158 *Бабич И.Л.* Основные тенденции постсоветской этнокультурной политики в Республике Алтай.
- №159 *Димаева Ф.В.* Ислам в современной Чеченской республике.

2003 г.

- №160 *Ситнянский Г.Ю.* Русские в СНГ – «здесь» или «там»: По поводу нового закона «О гражданстве Российской Федерации».
- №161 *Тишков В.А.* Историко-антропологический анализ переписи населения.
- №162 *Миссонова Л.И.* Остров Сахалин: Современные проблемы жизнедеятельности уйльта (ороченов).
- №163 *Зарубекова Г.В.* Вахабизм в Чечне.
- №164 *Аксянова Г.А., Давыдова С.С.* Этнические стереотипы и ценностные ориентации московских школьников (на примере русских и армян).
- №165 *Анайбан З.В.* Хакасия в постсоветский период (проблемы адаптации к социально-экономическим преобразованиям).
- №166 *Устинова М.Я.* Гражданское общество в Латвийской Республике (1980-е гг. – начало XXI в.).

2004 г.

- №167 *Харитонова В.И.* Религиозный фактор в современной жизни народов Севера и Сибири.
- №168 *Шлыгина Н.В.* Финны-репатрианты из бывшего Советского Союза на исторической родине.
- №169 *Фаис О.Д.* Обычное право в современной Сардинии (по материалам экспедиции).
- №170 *Лопуленко Н.А.* Опыт автономии в Канадской Арктике – Нунавут.
- №171 *Наумова О.Б.* Казахские животноводы в конце XX века (взгляд антрополога).
- №172 *Найденова Е.А.* Поликультурное образование как средство воспитания межэтнической толерантности.
- №173 *Торшев Б.Х.* Республика Ингушетия в статистике и экспертных оценках (апрель–май 2003 г.).
- №174 *Губоугол М.Н., Дубова Н.А.* Социально-адаптивная и этноразрушительная энергия гастарбайтерства.
- №175 *Субботина И.А.* Молдавия: Этнические модели адаптации к условиям трансформирующегося общества.

2005 г.

- №176 *Пастухов В., Рассел Д., Тишков В., Хопман Д., Шенфилд С.* После Беслана: Дискуссия российских и американских экспертов.
- №177 *Грачев С.В., Мартыненко А.В., Шипов Н.В.* Православное христианство и ислам в Мордовии: Проблемы межкультурного диалога.
- №178 *Каландаров Т.С.* Памирские мигранты-исмаилиты в России.
- №179 *Питерская Е.* Современные этносоциальные исследования в Канадской и Американской Арктике.
- №180 *Субботина И.А.* Гагаузы: трансформация расселения и современные миграционные процессы.
- №181 *Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Коренные народы Обского Севера: Современное положение. Опыт адаптации.
- №182 *Олимова С., Олимов М.* Трудовая миграция в Афганистане.
- №183 Финно-угорские народы России: Общее положение, проблемы и решения.

2006 г.

- №184 *Дубова Н.А., Ямсков А.Н.* Демографическая ситуация в абхазских долгожительских селениях.
- №185 *Мартынова М.Ю.* Сербия–Черногория–Косово: одно государство или три?
- №186 *Сирина А.А., Фондал Г.А.* Эвенки Северного Прибайкалья и проект строительства нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан».
- №187 *Новикова Н.И.* Рынок труда и занятость коренных малочисленных народов Севера России: Ханты-Мансийский автономный округ и Сахалинская область.

№188 *Александренков Э.Г.* Индианизм в Латинской Америке (политика и наука о коренных обитателях).

№189 *Новикова Н.И., Ягель Ю.Я.* Судебная защита права на традиционное природопользование: Антрополого-правовые аспекты.

№190 *Остапенко Л.В.* Технологии адаптации к постсоветским реалиям. Русские предприниматели в новом зарубежье.

№191 *Анайбан З.В.* Население Южной Сибири в эпоху перемен: Адаптация к новым условиям жизни.

№192 *Рыжакова С.И.* Латышский язык: исторические преобразования и социокультурные аспекты бытования.

2007 г.

№193 *Череватенко В.И.* Трансформация гендерных стереотипов в чеченском обществе в период вооруженного конфликта.

№194 *Козлов С.Я.* Московские евреи: реалии этнокультурного возрождения (конец XX – начало XXI в.).

№195 *Устинова М.Я.* Латвийская Республика после вступления в Евросоюз: новые вызовы.

№196 *Тишков В.А., Шаббаев Ю.П.* Финно-угорская проблема: Ответ Евросоюзу.

№197 *Александренков Э.А.* Аборигены Колумбии и государство.

№198 *Ситнянский Г.* Отношения Юга и Севера Киргизии: История и современность.

№199 *Баняева М.Г.* Бурятская община Москвы.

2008 г.

№200 *Тишков В.А.* 20 лет спустя: Опыт переосмысления теории и практики межнациональных отношений.

№201 *Малькова В.К.* Образы многонационального города в современной столичной прессе.

№202 *Брусина Н.И.* Ставропольские туркмены. Этнокультурное развитие, социальные обычаи, процессы адаптации и интеграции.

№203 *Тер-Саркисянц А.Е.* Современная политическая и этнокультурная ситуация в Нагорном Карабахе.

№204 *Мартынова М.Ю.* Косовский узел: этнический фактор.

№205 *Сирина А.А., Жуковская Н.Л., Инешин Е.М., Рагулина М.В., Тюхтенева С.П.* Газ на экспорт: Этнокультурные проблемы транспортировки.

№206 *Чубарова В.В.* Стереотип поляка в польском и русском восприятии: опыт антропологического исследования.

№207 *Харитонова В.И., Ожиганова А.А., Купряшина Н.А.* В поисках духовности и здоровья (новые религиозные движения, неошаманизм, городской шаманизм).

№208 *Бабич И.Л.* Духовные ценности и проблемы формирования новой идеологии у народов Северного Кавказа.

2009 г.

№209 *Локшин А.Е.* История российских евреев в школьных учебниках РФ.

№210 *Морозов Д.Ю.* Североафриканская иммиграция во Францию.

№211 *Тер-Саркисянц А.Е.* Адаптация армян к новым условиям постсоветского времени.

№212 *Кожановский А.Н., Любарт М.К.* Проблемы западноевропейской иммиграции на примере Франции и Испании.

№213 *Бабич И.Л.* Культура шапсугов Причерноморья и проблема сохранения идентичности в XXI в.

№214 *Эпштейн А.Д.* В плену прошлого: Генезис коллективной памяти как фактор эскалации Палестино-Израильского конфликта.

№215 *Бабич И.Л., Родионова О.В.* Теория и практика мультикультурализма.

2010 г.

№216 *Данилко Е.С.* Маленький провинциальный город в современной России.

№217 *Новикова Н.И., Степанов В.В.* Индикаторы качества жизни коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области.

№218 *Европейская языковая Хартия и Россия.*

№219 *Завурбекова Г.В.* Технология манипулирования этнополитическим конфликтом в Чеченской республике (1991–1999 гг.).

№220 *Опарин Д.А., Уманская А.И.* Проблемы природопользования саамов Кольского полуострова и инуитов Восточно-Канадской Арктики (Нунавут).

№221 *Шльвина Н.В.* Традиционные меньшинства Финляндии: формирование и современный статус.

№222 *Зотова Н.А.* Узбекские общины в России: новые диаспоры (на примере Санкт-Петербурга, Астрахани и Красноярска).

№223 *Миссонова Л.И.* Этническая идентификация населения Сахалина: от переписи А.П. Чехова 1890 г. до переписей XXI-го века.

2011 г.

№224 *Устинова М.Я.* Неграждане Латвии: статус и перспективы интеграции.

№225 *Зорин В.Ю.* Государственная национальная политика в России и современность.

№226 *Матвеев В.А.* «Черкесский вепрос»: современные интерпретации и реалии эпохи.

№227 *Анайбан З.В.* Межэтническая ситуация и этнополитические процессы в постсоветской Туве.

2012 г.

№228 *Лопуленко Н.А.* «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» (1990–2011 гг.): аналитический обзор.

№229 *Комарова Г.А.* Академическая жизнь: поле междисциплинарных научных исследований.

№ 230/231 Социокультурные последствия Чернобыльской аварии.

№ 232 *Устинова М.Я.* Основные проблемы применения в Латвии Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств.

№ 233 *Малькова В.К.* Политичная Москва 2011–2012 гг.: «тревожные звонки в информационном пространстве».

2013 г.

№ 234 *Мартынова М.Ю.* Школьное образование и идентичность. Отечественные и зарубежные концептуальные педагогические подходы к национальной (общегосударственной) интеграции и культурному многообразию общества.

2014 г.

№ 235 *Малькова В.К.* Новое этнопространство современной Москвы.

№ 236 *Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление духовной общности российской нации.

№ 237 *Белова Н.А.* Молодежь русской провинции (на примере города Нерехты Костромской области).

№ 238 *Гаер Е.А., Батьянова Е.П., Шпильнев В.Н.* Коренные малочисленные народы Нижнего Амура в постперестроечной действительности (по материалам этнографической экспедиции в Хабаровский край в августе – сентябре 2012 года).

№ 239 *Губоголо М.Н., Старченко Р.А.* Языковая жизнь и региональная идентичность крымчан – оплот антиукраинизации (из опыта этносоциологических исследований в Крыму 2013 г.).

№ 240 *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Армянская диаспора в России: социально-демографические характеристики (вторая половина XX – начало XXI вв.).

2015 г.

№ 241 *Губоголо М.Н.* Симбиоз этнической и региональной идентичности.

№ 242 *Тишков В.А.* Ярость благородная... Великая победа и советский народ (антропологический подход).

Подписано к печати 2.06.2015 Тир. 100 экз. Печ. л. 2,8 Заказ № 63

Участок множительной техники ИЭА РАН, Ленинский пр., 32 А.

ТИШКОВ Валерий Александрович – профессор, академик РАН, директор Института этнологии и антропологии РАН и Центра социальной антропологии РГГУ, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, член Общественной палаты России (2005-2010), лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники (2002, 2014). Область научных интересов: социальная антропология Северной Америки и России, этническая идентичность, национализм и конфликты. С 1990 г. уделяет особое внимание этническим факторам российских трансформаций, а также теории и практике национальной политики. В настоящее время является ведущим специалистом в политической антропологии.

Автор и редактор многочисленных публикаций, в том числе трех фундаментальных энциклопедий: "Народы России" (1994), "Народы и религии мира" (1998), "Народы и культуры" (2014).

Valery TISHKOV – Professor, Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS and Center for Social Anthropology Russian State University for Humanities, Academician-secretary of History and Philology Division of RAS, Member of the Public Chamber of Russia (2005-2010), State Prize of the Russian Federation in the field of science and technology (2002, 2014). Research interests: social anthropology of North America and Russia; ethnic identity, nationalism and conflicts. Since 1990 he has focused on the ethnic factor in Russia's transformations as well as on the theory and political practice of ethnicity. He is leading expert in political anthropology.

Author and editor of numerous publications, including three fundamental encyclopedias: on ethnic groups of Russia (1994), on ethnic groups and religions of the world (1998), and on ethnic groups and cultures of the world (2014).

ISBN 978-5-4211-0131-4

9 785421 101314